

Муниципальное учреждение культуры
муниципального образования «Город Архангельск»
«Централизованная библиотечная система»

Центральная городская библиотека им. М. В. Ломоносова

*К 110-летию со дня рождения
Г. И. Суфтина*

Писатель и журналист

Библиодайджест

Архангельск
2016

ББК 91.9:83+83(2Рос=Рус)6-8Суфтин я1
П34

Писатель и журналист : библиодайджест /
Муницип. учреждение культуры муницип. образования
«Город Архангельск» «Централиз. библи. система»,
Центральная городская библиотека имени М. В.
Ломоносова ; [сост. П. Г. Попова ; ред. Т. С. Рудная]. –
Архангельск, 2016. – 38 с.



Суфтин Георгий Иванович

22(9)·01·1906 - 23·12·1965

Суфтин Георгий Иванович, известный северный журналист, поэт и прозаик, автор басен и пародий, многие годы редактировавший газету «Правда Севера».

Родился 22 (9) января 1906 г. в деревне Антюшевская (ныне Большой двор) Палемской волости Велико-Устюжского уезда Вологодской губернии, нынешнего Лальского района Кировской области. Родители Суфтины: Иван Михайлович (1877 – 1949), крестьянин, колхозник, железнодорожный обходчик, мать – крестьянка, домохозяйка.

Георгий Суфтин окончил Каравайковскую церковно-приходскую школу (1917), затем школу 2-й ступени в Лальске (1920). Активный, творческий и неугомонный характер не давал Георгию Суфтину сидеть без дела. Он первым в родном селе вступил в комсомол и организовал в Каравайково комсомольскую ячейку.

В 1924 году, окончив курсы киномеханика, работал киномехаником в Великом Устюге, совершал длительные поездки по деревням и сёлам с кинопередвижкой. Активное участие в бурной жизни послереволюционной деревни дало впоследствии писателю драгоценный материал для творчества.

«Он был и в молодости, и в зрелом возрасте привлекателен. Стройный, выше среднего роста, в работе – деловой и серьёзный, с друзьями на досуге – весёлый и остроумный. Любил пошутить. Посмеивается, бывало, сдержанно в усы, глаза лукаво щурятся – вот-вот опять «выдаст» что-нибудь весёлое», – таким помнили Георгия Ивановича коллеги по работе.



Любознательный и наблюдательный юноша живо интересовался событиями сельской жизни. Тогда-то он и начал писать заметки в великоустюжские газеты. Селькора пригласили на постоянную работу в молодежную газету «Ленинская смена». В 1925 г. Северо-Двинский губком комсомола назначил своего грамотного активиста на должность секретаря газеты «Ленинская смена». А затем молодого журналиста перевели в губернскую партийную газету «Советская мысль». Он пишет стихи, частушки, очерки. В газете «Советская мысль» Г. Суфтин проходит путь от репортёра до ответственного секретаря. Много выезжает на лесные делянки, знакомится с жизнью лесорубов. Своеобразие жизни старинного русского городка в первые годы советской власти, тесное переплетение нового и старого, будни комсомольской молодёжи, быт и нравы различных слоёв населения города, многочисленные культурные начинания – всё это не проходит мимо пытливого взора газетчика. Позднее впечатления этих лет нашли отражение в произведении Суфтина «Семейный секрет».

В Устюге юноша пробует своё литературное перо – сочиняет частушки. Кто бы знал, что с незамысловатых строчек частушек начнется литературный путь: «Всё с них и началось, – вспоминал Суфтин, – частушки понравились».

Затем в течение года работает в редакции выездной газеты «Верхнетоемский лесоруб». Помимо журналистской работы Георгий Суфтин занимается литературным творчеством. В газете он публиковал свои фельетоны, басни, пародии под псевдонимами Юрий Лузяк, Егор Беломор и Парфен Груздев. Из дальних командировок к оленеводам Большеземельской и Карской тундр Георгий Суфтин привозил не только материалы для газеты, но и стихи для поэтических

сборников, замыслы будущих рассказов и повестей. В 1930 году в центральной газете «Беднота» был опубликован первый рассказ Г. Суфтина «Станция Зуриха».

Энергичного, любознательного и к тому же романтически настроенного журналиста влечёт суровое и неизведанное Заполярье. В 1932 году он переезжает из Устьюга в Нарьян-Мар. Приехал он в Нарьян-Мар опытным журналистом, поразил своих новых товарищей начитанностью, грамотностью, разносторонними знаниями. А тундра и её коренные жители произвели огромное впечатление на Суфтина. Он полюбил ненцев, этих гордых и добрых людей, часто посещал стойбища оленеводов, жил с ними в чумах, много ездил по Печоре.

В Заполярье Георгий Иванович стал заместителем редактора газеты «Няръяна вындер» («Красный тундровик»), издававшейся в Нарьян-Маре. Четыре года жизни в Нарьян-Маре дали Георгию Суфтину столько ярких впечатлений, что их хватило на многие годы творчества. Случалось, в холод, натянув на себя тобоки, малицу и совик, приходилось «по тундре ездить, в чумах жить, сырое оленьё мясо есть». А транспорт тогда был один – нарты и оленья упряжка. В командировки по Ненецкому округу (1000 x 400 км!) направляли всех членов редакции. Вот как Суфтин описывает возвращение из тундры в редакцию своего молодого друга, Ивана Меньшикова:

– Ань здорово, луца хибяри! – торжественно крикнул он. – Во! Видишь, говорить по-ненецки научился.

– Вот тебе раз! Неужели на первой кочке не свалился с нарт?

– Да я уже самостоятельно оленьей упряжкой управляю. Я уж айбурдать умею. Я уже тынзей кидать научился. Знай наших! (айбурдать – есть парное сырое оленьё мясо; тынзэй – аркан для ловли оленей).

В 1932 году Георгий Суфтин написал небольшой рассказ «Красная Звезда». И. П. Выучейский и М. А. Антонов перевели его на ненецкий язык. Поставили цель: «Надо было написать рассказ с простым сюжетом и слогом, близким к строю ненецкой речи, доступным для перевода». Грамматики ненецкого языка тогда ещё не было, а письменность создавалась на основе латиницы. «При надобности приглашали чуть ли не всех ненцев, живших в Нарьян-Маре». Это было первое художественное произведение, которое ненцы читали на родном языке.

«Перевод шел мучительно долго. «Когда же Иван Павлович Выучейский написал последнее слово: валкада (все тут, конец), все вздохнули с облегчением. С первым же, полученным из печатной машины экземпляром, все скопом поехали в тундру. На читку собрались колхозники оленеводческой артели «Едэй илебц» («Новая жизнь»), приехали и из соседних колхозов «Няръяна тёня» («Красная лиса») и ПНОК (первый ненецкий оленеводческий колхоз). Читал Выучейский. Слушали с исключительным вниманием. Лишь изредка раздавались возгласы:

– Те! – Тида! Значит, все хорошо, дело идет складно. Но только Выучейский успел произнести последнее слово: валкада (конец), один из ненцев привскочил, хлопнув ладонями по коленкам.

– Вот беда–беда! Какое смешное дело получается.

Мы были смущены. Ведь рассказ отнюдь не юмористический. Что же ему смешным показалось?

– В чем дело? Где смешное? – спросили почти все вместе.

– Да как же! Степан-то встал, потом опять встал и еще раз встал. А не садился... Посмотрели: боже мой, ведь это правда! При переводах и переделках не заметили, как получилась такая несуразица. Загоревали. Но нас успокоил хозяин чума Василий Канюков. Он сказал:

– Ничего, что не садится Степан, ничего. Зато он ненцам красную звезду привез, слово светлое сказал. Про мою жизнь, про ненцев книжка говорит. Эко дело было ли когда? Не было. Вот то и главное. А встал – не встал, велика забота...».

Рассказ Суфтина был издан на ненецком языке тиражом 750 экземпляров. Автор и переводчик выезжали в тундру, читали рассказ вслух ненцам в чумах. Рассказ «Красная звезда» имел огромный успех.

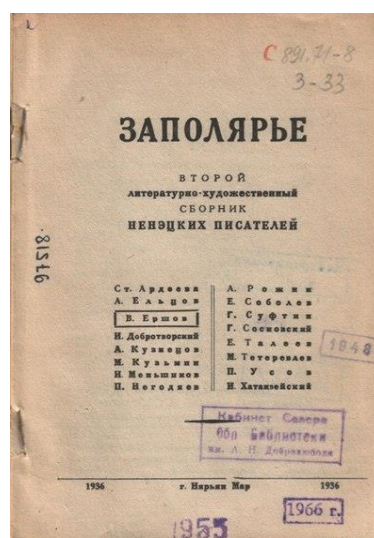
В конце 1932 г. Георгия Суфтина назначили редактором газеты Ненецкого округа «Няръяна вындер» (Красный тундровик). Вместе с литсотрудником газеты И. Н. Меньшиковым, он организовал в 1934 году при редакции газеты литературную группу, которая впоследствии стала литературным объединением «Заполярье». Наряду с русскими в эту группу входили молодые ненецкие писатели.



Фото сделано Георгием Суфтиным на первом заседании литкружка 23 января 1934 года.

После учредительного собрания 23 января 1934 г. удалось наладить выпуск литературных страниц в газете. Первая литературная страница появилась в газете 28 января 1934 года. Затем страница выходила регулярно, два раза в месяц. С этого, пожалуй, и началась ненецкая литература, в основу которой лёг фольклор. Кроме того, произведения ненецких писателей увидели свет в двух альманахах «Заполярье», изданных в Нарьян-Маре до войны. Великая Отечественная война прервала деятельность литературной группы.

При непосредственном участии Суфтина вышли два выпуска литературно-художественного альманаха «Заполярье» (1935, 1936 гг.).



Газета «Правда» и журнал «Литературная учеба», который редактировал М. Горький, заметили этот факт. Так в «Литературной учебе» была опубликована статья «Молодые писатели Заполярья». В ней отмечалось, что «молодой, способный поэт Суфтин серьезно занялся художественной обработкой произведений фольклора» и лестно отзывались об альманахе «Заполярье» и стихах Георгия Суфтина.

После Великой Отечественной войны объединение возобновило свою работу уже без Суфтина. В него влились новые талантливые журналисты, но мнение Георгия Ивановича для них всегда было весомым. В дальнейшем, третий номер «Заполярья» под редакцией В. Михайловского был издан в Архангельске в 1959 году. В 1988 году на страницах «Няръяна вындер» в качестве «книги в газете» увидел свет ещё один альманах под редакцией А. Меситова. В 2004 году в Нарьян-Маре возобновлено издание альманаха «Заполярье», ставшего с тех пор ежегодным. ЛитО «Заполярье» отметило в 2014 г. своё 80-летие. Его талантливыми авторами создана литература Ненецкого автономного округа на ненецком и русском языках, вышли сотни книг, 17 авторов стали членами Союза писателей.

Георгий Суфтин уехал в 1935 году из тундры, переехал в Архангельск, сначала работал секретарем краевого журнала «Звезда Севера», а после его закрытия перешел в областную газету «Правда Севера». Работал заведующим отделом культуры, литературным и ответственным секретарем, заместителем редактора и пять лет редактором газеты – с 1951 по 1956 гг.

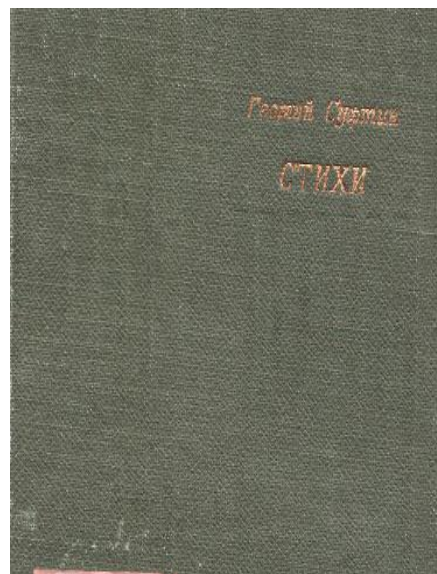
Георгий Иванович 20 лет проработал в архангельской газете «Правда Севера», но связь с Крайним Севером он не терял. Ненецкая тематика явилась настоящей пробой сил и для Суфтина – поэта, и для Суфтина – писателя. С этой тематикой он вошёл в литературу. Помимо журналистской работы Г. Суфтин занимался литературным творчеством. В 30–40-е годы писал преимущественно стихи. Большинство стихотворений навеяно впечатлениями о пребывании в Ненецком округе.

Первый сборник его стихов вышел в 1940 году. Многие из вошедших в него произведений – такие, как «Сила любви», «Богатый жених», «Хосей» были созданы по мотивам легенд и сказок ненецкого народа. Пригодилось поэту знание фольклора тундры! Он писал стихи о новой деревне, о природе, о любви, о жизни города, о морях, о взрослых и детях. Стихи Суфтина интересны. Интересны и герои его произведений: лесорубы, моряки, труженики на полях – смелые, честные, чистые душой люди.

Великую Отечественную войну Георгий Иванович встретил, работая заместителем редактора газеты «Правда Севера».

Поэзия Великой Отечественной войны, рождённая и вдохновлённая идеями борьбы за свободу Родины, была мощным оружием в годы войны. Грозная сила стихов звала к отмщению, пробуждала в сердцах ненависть к врагу, жажду подвига. Стихи передавали по радио, рядом со сводками Совинформбюро печатали в центральных и фронтовых газетах.

Суфтин, как и многие в то время, верил в победу. В его стихах о Великой Отечественной войне и героизм бойцов Советской Армии, и юмор, и бодрость, которая отражается в характере русского солдата, дух народа-воина, ведущего святой и правый бой ради жизни на земле. У него не было времени отделять стихи... Он писал свои строки, как дневник о непрерывной борьбе с врагом. Его



стихи воскрешали напряжённую атмосферу тех лет, солдатские костры, трагедию русских городов и деревень, горечь отступления и радость первых побед.

На отдыхе (1943 год)

Помолчим, мой сердечный друг,
Посидим на мягкой траве.
Горы сдвинулись в полукруг,
Утопающие в синеве.
На вершинах далёких гор
Отблеск поздней зари застыл.
Над долиной ночной шатёр
Опускается с высоты.
Помолчим. Я тебя пойму
По приметам, без лишних слов.
Твой башлык почернел в дыму
Золотых бивачных костров.
И не даром твои сапоги
В подорожной седой пыли:
Ведь следы солдатской ноги
На дорогах дальних легли.
Ты прошел по сухим степям,
Ты в болотах зыбких вяз,
Знойный ветер сушил тебя,
И мечталось тебе не раз,
Чтобы в хату свою зайти,
Чтобы к сердцу жену прижать...
Боевые твои пути
Далеко-далеко лежат.
Вот поправишься, отдохнёшь,
Будет снова крепка рука.
Скажет доктор тебе: «Ну, что ж,
Догоняй, добивай врага...»
И опять, наклонившись к луке,
Вздыбишь верного скакуна.
И блеснёт на стальном клинке
Зачарованная луна.
А пока она за горой
Где-то бродит в глухой ночи,
Посиди, отдохни, герой,
И мечтательно помолчи.

Стихи Георгия Ивановича раскрывают такой накал высоких человеческих чувств, такой патриотический подъём, что становится понятным, почему люди стояли насмерть под Москвой, Сталинградом, на каждом клочке родной земли.

Дружба (1944 год)

Куда нас военная жизнь не кидала,
Мы трудных дорог исходили не мало,
Немало сносили казённых подошв.
И в стужу, и в ветер,

И в вёдро, и в дождь,
По-братски укрывшись
Армейской шинелью,
Мы спали в осенние ночи под елью.
По-дружески пили
Из общей жестянки.
Под солнышком общим
Сушили портянки.
Коль весело, вместе шутили и пели,
Коль грустно,
Понури́в голов не сидели.
Умели ценить мы друзей по делам,
И хлеб, и махорка,
И жизнь – пополам.

Но и в глубоком тылу война опалила душу своим дыханием, обрушила на тех, кто остался, недетские заботы и впечатления. Когда читаешь стихотворения Суфтина о тех, кто был в тылу, понимаешь, какой силой воли и верой в победу они обладали. Он знал это не понаслышке, он бывал и там, в тылу. Он видел, как им нелегко, но те, кто «воевал» на полях, имели огромную силу духа.

Жнеи (1944 год)

Выходили в поле молодые жнеи,
Сверстницы-соседки одного села.
Кланялись подсолнухи,
Выгибая шеи.
Росная тропинка меж хлебов вела.
А над тихим полем,
Над привольем пашен
Таял в небе утреннем
Месяц молодой.
Надломила колос звеньевая Даша,
Словно жемчуг, пали
Зерна на ладонь.
Посмотрела Даша
На подруг лукаво,
Улыбнулась Даша
Сверстницам своим.
– Ну, так что ж, девчата,
Урожай на славу!
Урожай на славу. Значит, победим.

Отмечая в ноябре 1945 года успешную деятельность Г. Суфтина в «Правде Севера» и 20-летие работы в печати, редактор К. Симкин приказал выплатить ему денежную премию – тысячу рублей – и так характеризовал его: «Газетная квалификация – высшая. Ему доступны все основные газетные жанры – обзоры, очерки, стихи, рассказы, публицистические статьи, оригинальные по форме, глубокие по содержанию и всегда – творческий подход...»

Жизнь интересна во всём её многообразии, а потому интересны и герои произведений Георгия Суфтина: лесорубы, моряки, труженики на полях – смелые, честные, чистые душой люди. Влюблённый в свою родную Вятку с её самобытной

историей, писатель силой своего таланта заставляет полюбить этот древний край и читателя. Его влечёт к природе, к нашему далёкому славному прошлому, к родовым корням.

Нежная преданность суровой, но до боли родной земле... Она свойственна не только северянам, но почти всем приезжим, испытавшим на себе колдовское очарование Севера. Тот, кто прижился на Севере, уже не может без него, а если и уедет, то испытывает такую сладостную, постоянную грусть по нему, что, наконец, не выдержав, возвращается обратно. Георгий Иванович Суфтин однажды сказал: «Хотя моя родина вошла в состав Кировской области без меня, но я все же чувствую себя кировчанином, потому что люблю свой Большой Двор, свой тихий Лальск, великолепную реку Лузу и малюсенькую, с таким нежным названием речонку Лалу». Он до последних дней оставался патриотом своей родины. Георгий Иванович не сумел вернуться в свою родную деревеньку Антюшевскую, где жила его милая мама, но тоска по малой родине, по своим родным прослеживается в каждой строчке его стихотворений.

Мать

Всю жизнь ты не знала покоя,
Вся в хлопотах, в вечном труде.
Тебя я запомнил такую,
Какой не забуду нигде.

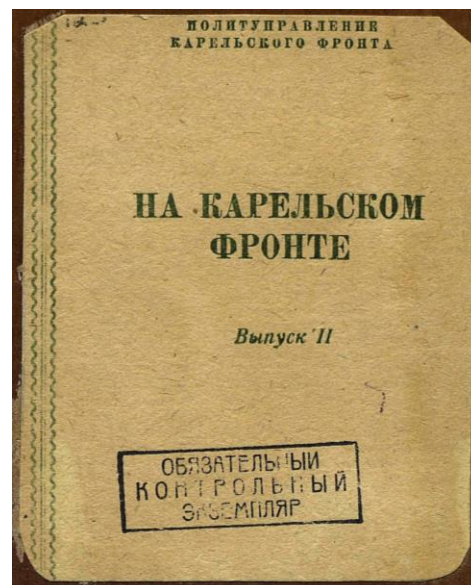
.....
Заботы твои и молитвы
Я нынче сполна оценил,
Когда сквозь тяжелые битвы
Пронес свои зрелые дни.

.....
Я верю – мы снова услышим
Слова золотые твои,
Разгладим глубокие складки
На скорбном родимом лице.
И будут, как в юности, сладки
Беседы на ветхом крыльце.
Под сенью широких черемух
Нам детство повеет опять.
И, может быть, сказкой знакомой
Утешит нас старая мать...

В годы войны Георгий Иванович ещё не состоял в Союзе писателей, мало чего успел напечатать, но мечтал в будущем стать поэтом. Развивалось и крепло литературное дарование Суфтина, он много и плодотворно работал в качестве редактора. В 1942 году под его редакцией вышел сборник «На карельском фронте».

На Карельском фронте: [сборник] / Политупр. Карел. фронта ; [ред. Г. Суфтин]. – Архангельск : ОГИЗ, Архангельское издательство, 1942. – Вып. 2. – 42, [2] с.

Но все свободное время в лихие военные дни Георгий Суфтин отдавал любимой газете «Правда Севера». В годы Великой Отечественной войны



«Правда Севера» рассказывала не о бедах и страданиях, а о борьбе и победах. Газета в войну тоже – оружие. Читая номера «Правды Севера» за 1941 – 1945 годы, поначалу удивляешься: почему корреспонденты не писали о том, как тяжело Архангельск переживал голод и бомбежки, как мучилась, словно издыхающая лошаденка, северная деревня? Потом становится понятно, что тогда нужны были другие слова – не о бедах и страданиях, а о борьбе и победах. Так что военная «Правда Севера» – это большой боевой листок. Каждый номер открывали фронтовые сводки. Рядом – сообщения о трудовых подвигах северян. Страна жила под девизом «Все – для фронта, все – для победы!» – и каждая строчка в газете служила той же цели. Письма с фронта и на фронт стали едва ли не главным газетным жанром. И для нас это самый ценный источник информации, потому что в них – живые чувства, которым не было места в сводках.

Вспоминает об этом периоде Елена Энтина – одна из основательниц архангельского телевидения, но был в ее жизни и «правдосеверский» период. В Архангельск она приехала в январе 1944-го и работала в «Правде Севера» по 1957 год с небольшим перерывом. Журналисты в годы войны, по рассказам Елены Ивановны, были в большом дефиците. Поэтому любого грамотного человека, желающего писать, в СМИ брали сразу же. Елена Ивановна вступила в ряды пишущей братии газеты «Правда Севера». Первыми корреспондентами, с которыми Энтина познакомилась в редакции, были Мария Барышева и Георгий Суфтин.

Мощным оружием пропаганды всегда являлась сатира. Хотя в Архангельске не выходили сатирические издания, но в газете «Правда Севера» часто появлялись подобные материалы. В те времена было модно писать фельетоны. Этим жанром в «Правде Севера» хорошо владел Георгий Иванович Суфтин. В годы войны Суфтин публиковал острые политические фельетоны-памфлеты на главарей гитлеровского рейха. «Егор-беломор» – было его прозвище среди журналистов. Он был очень хорошим редактором, который известен и как писатель, и как поэт.

До мелочей Елена Ивановна помнит, как в Архангельске встречали долгожданный День Победы. Накануне, 8 мая, редактор, а им тогда был Константин Васильевич Симкин, собрал всех журналистов и объявил, что из Москвы должно прийти важное сообщение. Ждали его до полуночи, после чего над пишущей братией сжалились и распустили по домам. Но предупредили: дома радио не выключать и чуть что – бежать в редакцию.

О безоговорочной капитуляции Германии радио сообщило глубокой ночью. Те, кто первым услышал эпохальную весть, выбегали на улицу и бросались в объятия к незнакомым людям. Потом неслись к знакомым и колотили в двери: «Победа! Победа!» Утро 9 мая 1945 года выдалось солнечным и по-настоящему весенним. На улицах и площадях собрались тысячи ликующих людей. У театра драмы в Архангельске висела карта с флажками, отмечавшими победоносное шествие Советской Армии. Возле нее больше никто не останавливался. Только одна старушка задержалась возле карты, перекрестилась и сказала: – Слава тебе, Господи. Дождались!

Великая Отечественная война – один из самых трагических периодов в истории России и Архангельского Севера. Уникальным источником истории этого периода служит областная газета «Правда Севера». Сообщения, опубликованные в ней, хранят историческую память о войне. Утро великого дня, всенародное торжество – День Победы – с великой радостью и гордостью было отмечено на страницах «Правды Севера». Счастливым днем 9 мая стал и для Георгия Суфтина. Этому дню он посвятил свое стихотворение «Утро победы», которое было опубликовано в газете «Правда Севера» 13 мая 1945 года, а уже 20 мая читатели могли увидеть его стихотворение «Письмо из Берлина».

ПРАВДА СЕВЕРА

Орган Архангельского обкома и горкома ВКП(б)
и областного Совета депутатов трудящихся

М А Й

13

ВОСКРЕСЕНЬЕ

1945 года

№ 93 (7446)

Год издания XXVI

Цена 20 коп.



Нет, легко сказать, в какое
время
Мы живем, по улицам
шагаем,
Курим самодельную махорку,
Спорим, увлекаемся, мечтаем,
Слушаем привычно птичий
гомон,
Отдыхаем, учимся и пишем,
Ходим за обедами в столовку,
Воздухом весенним двояло
дышим.
Будто все обыденно и
просто—
За войну мы ко всему
привыкли:
Женщины и деды и
подростки
Все прошли, все вынесли —
не снижали.
Во дворах траншеи отрывали,
«Зажигалки» на домах
тушили,
Сутками не ели и не спали.
Воевали. Стрелили. И жили...
Падали и поднимались
снова.
Лишь в душе одна
надежда зрела,
Чтоб оно—святое это слово
Золотом на пурпуре зардело.
Бережно в сердцах его
честили мы
Сквозь страдания, горести и
беды,
Чтоб зажглось звездой
неугасимой
Слово животворное—победа.
И в ту ночь, когда под
каждой крышей
Это слово громко прозвучало,
Мы смогли ль понять, его
услышав,
Все, что это слово
означало!
Были флаги, песни, поцелуи...
Было утро в солнечном
сиянии —
Как оно лучилось и горело
На знаменах, на фасадах
зданий,

На погонах, бескозырках,
кепках,
На крыле парижей в небе
птицы...
Как по-необычному светлели
В предвечерней рани
наши лица!
В маршах, в песнях, в
колокольном звоне
Утро небывалое вставало.
Мы смогли ль понять,
его встречая,
Все, что это утро означало!
Где-то там, в поверженном
Берлине
Маршал Жуков встал суров
и властен.
Он сказал и мир узнал:
отныне
Навсегда развеено венастье.
Перед ним смиренно
преклонились
Те, кто мнил себя владыкой
мира,
Те, кто шел на нас с огнем
и смертью,
С кроваваждой адностью
вампира.
И когда пред маршалом
советским
Приговор свой, немцы
подписали,
Им на дверь скупым и
твердым жестом,
Непреклонным жестом
указали.
Маршал Жуков был суров и
властен.
Знаменем победы осиянный.
И, как птица, слово
полетело
Через все моря и океаны,
Через все хребты земного
шара,
Через реки, пажиты и нивы—
Слово громогласное—победа!
Было утро. День вставал
счастливый...
Г. СУФТИН.

От Советского Информбюро

(Окончание оперативной сводки за 12 мая)

Войска 2-го БЕЛОРУССКОГО фронта в районе устья реки ВИСЛЫ восточнее ДАНЦИГА, на косе ПУТЦИГЕР-НЕРУНГ северо-восточнее ГДЫНИ и на острове БОРНХОЛЬМ заканчивали прием капитулировавших немецких войск. С 9 по 12 мая сдалось в плен 59.106 солдат и унтер-офицеров, 1.728 офицеров и 12 генералов. В числе пленных генералов, кроме ранее объявленных, начальник штаба 2 немецкой армии генерал-майор Махер, начальник армейских курсов 2 армии генерал-лейтенант Ноак, командир 20 армейского корпуса генерал от инфантерии Шпек, заместитель командира 203 пехотной дивизии генерал-майор Гроттена.

В Чехословакии и Австрии войска 1, 4, 2 и 3 УКРАИНСКИХ фронтов очищали занятые районы от разрозненных немецких отрядов и групп войск генерал-фельдмаршала Шернера и генерал-полковника Велера.

Войска 1-го УКРАИНСКОГО фронта с 9 по 12 мая взяли в плен 168.000 беспорядочно сдавшихся немецких солдат и офицеров и 7 генералов. В числе пленных генералов, кроме ранее объявленных, начальник инженерных войск 4 танковой армии генерал-лейтенант Бардин, генерал медицинской службы Янцон, для особых поручений при протекторате Чехии и Моравии генерал-лейтенант Хитцегер.

Войска 4-го УКРАИНСКОГО фронта с 9 по 12 мая взяли в плен 56.280 беспорядочно сдавшихся немецких солдат и офицеров.

Войска 2-го УКРАИНСКОГО фронта с 9 по 12 мая взяли в плен 135.000 беспорядочно сдавшихся немецких солдат и офицеров и 8 генералов. В числе пленных генералов командир 49 горно-стрелкового корпуса немцев генерал-лейтенант Лезе, командир 72 армейского корпуса генерал-лейтенант Шмидт, командир 6 танковой дивизии генерал-лейтенант Вальденфельд, командир 76 пехотной дивизии генерал-майор Рернер, командир 320 пехотной дивизии генерал-майор Гилман, начальник штаба 4 военного округа генерал-майор Герлах, комендант аэродромного обслуживания генерал-майор Нихус. За это же время войска фронта захватили следующие трофеи: самолетов—50, танков и самоходных орудий—291, полевых орудий—668, бронетранспортеров—269 автомашин—2.100.

Войска 3-го УКРАИНСКОГО фронта с 9 по 12 мая взяли в плен 114.766 беспорядочно сдавшихся немецких солдат и офицеров и 5 генералов.

Всего, таким образом, с 9 по 12 мая на всех фронтах взято в плен более 700.000 немецких солдат и офицеров и 63 генерала, считая и группу немецких солдат и офицеров, окончивших сдачу 11 мая войскам 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта.

Пленение Геринга и Кессельринга

НЬЮ-ЙОРК, 9 мая. (ТАСС). Как передает нью-йоркское радио, штаб союзного командования в Париже сообщил, что частями 7-й американской армии сегодня захвачены в плен Герман Геринг и бывший командующий германскими вооруженными силами на Западе Альберт Кессельринг.

уничтожила последние следы свobody в Германии, и приказал бомбардировать Роттердам после того, как сопротивление в городе прекратилось. Геринг не может уйти от ответственности за свои преступления.

Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» подчеркивает, что Геринг вы-

Письмо из Берлина

Мать получила
От сына сына
Весть дорожную —
Письмо из Берлина.
Надо ли ждать
Драгоценней подарка!
Почерк знакомый,
И штемпель, и марка...
Летом конверт,
Да едва удержала:
Сердце забилось,
Рука задрожала,
Приглаголю буквы
На белом листочке —
Застали слезы
Заветные строчки.
Так, в чем была —
Необута, раздета —
Вмиг очутилась
В квартире соседа.
— За беспокойство
Старуху простите.
Разволновалась...
Прошу вас: прочтите.
Жив ош... Здоров ли?
Уж пишет-то редко...
— Что вы! Зачем
Волноваться, соседка?
Будьте спокойней.
Присядьте. От сына
В первых строках
Вам поклон из Берлина.
Жив и здоров он,
Желает того же
Вам, и родным,
И друзьям, и... прохожим.
Простит он кланяться
Всем без разбора,
Пишет: домой
Собирается скоро.
Пишет: Погода
В Берлине что издо —
Солнышко-ведрышко,
Хоть для пазыда.

«Был я на Волге
И был на Днестре я.
Ничего дошел
До речушки до Шпре.
Только ее
Представлял я вину —
Где шириной
Ее равняется с Данью?
Город Берлин —
Он, конечно, столица,
Только с Соломболой
Все же не сравнится.
Улицы наши
Куда веселее
Всех Фридрихштрассе
И Кайзераллее.
Скажем, Поморской...
Знаешь, мамаша,
Как я хочу
На Поморскую пашу!
Ничего недолго уж —
Ждите, приеду.
Шел я вчера
По Аллее Победы
(Есть и такая
В кичливом Берлине,
Только ему
Не кичиться отзвучие)...
Шел по Аллее Победы
Вчера я —
В небе алела
Заря, догорая.
Внизу: катастрофа...
Да кто, ты бы знала! —
Валл, Валюшка
Навстречу попал.
Прям на шею...
Понятное дело,
Малость, Валюша
Моя поревела...
Ну, а потом ничего —
Улыбнулась
Чуть виновато,
Крутом ослепнув...
— Минна! Родимый!
Вот встреча, так встреча...
Мамочка, это был...
Это был вечер!
Вечер, каких
Не звал я впомню.
Вечер в чужом,
Неуютном Берлине.
Нет, описать
Я сумею едва ли.
Как мы смеялись
И как мы мечтали,
Как по Аллее
Победы гуляли...»

Все прочитал я
До самой до точки,
— Завянит, письмо
От сына и от дочки?
Вновь повдвинули
Глаза у соседки.
— Детки, вы детки,
Родимые детки...

Г. СУФТИН.

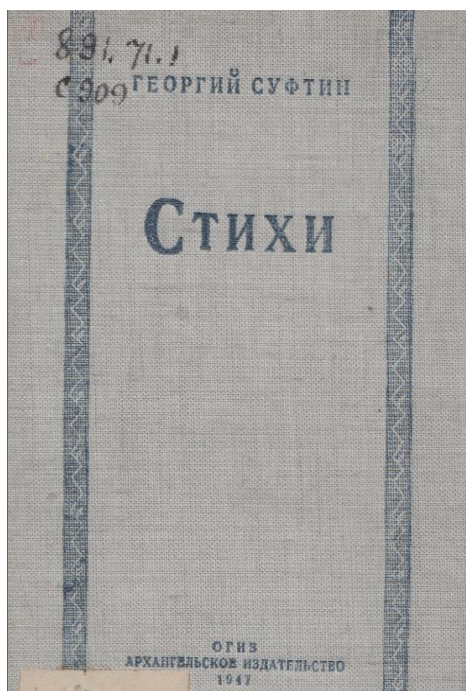


За годы Великой Отечественной войны Георгий Иванович Суфтин был награжден медалью «За оборону Советского Заполярья» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне в 1941– 1945 гг.».

Медалью «За оборону Советского Заполярья» награждались те, кто участвовал в обороне Заполярья – военнослужащие Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД, а также лица из гражданского населения, принимавшие непосредственное участие в обороне. Периодом обороны Советского Заполярья считается период с 22 июня 1941 года по ноябрь 1944 года.

Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года. Ею награждались работники науки, техники, искусства и литературы.

После войны, в 1946 г., Георгий Иванович Суфтин стал членом Союза писателей.



Второй сборник стихов поэта вышел в 1947 г., тема ненецкой тундры занимала ведущее место. В стихах Суфтина удачные жанровые картины, реалистически сочно написаны бытовые сцены («Утро Победы», «Весёлые картинки»). Удачно созданы конфликтные стихотворения, в которых чётко просматриваются характеры героев («Письмо из Берлина», «Улица героя»). Поэт сосредотачивал внимание на узловых моментах жизни, проникал глубже в суть явлений, в сложность человеческих отношений. Запоминается сюжетное стихотворение «Отказ», героиня которого – ненецкая девушка – впервые почувствовала себя человеком: поборов страх перед вековыми обычаями тундры, она отказывается выйти замуж за богача-многооленщика.

Особый и художественно целостный цикл составили стихи Суфтина о жизни тундры. В этих стихах автор удачно оттеняет колорит ненецкой жизни, достигает единства формы и содержания, красочности языка.

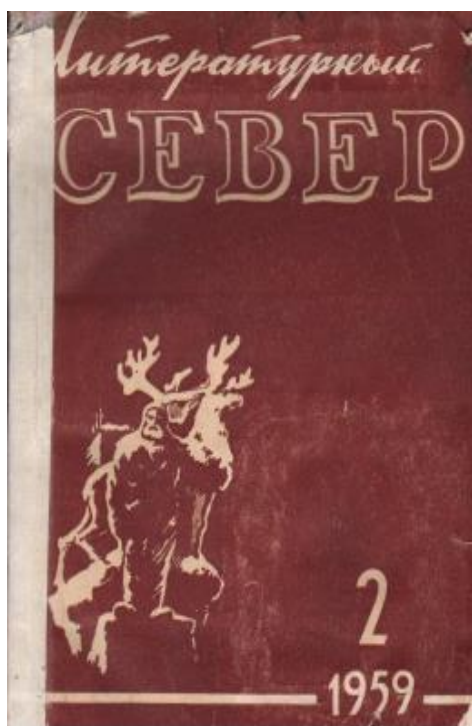
Поедешь к холодному морю,
Спроси у людей – не слыхали,
Кто краше всех девушек юных
Полуночной стороны?
Оленчики и зверобои
В голос ответят: Халя –
Дочь старого ненца Петро.
Свежее морской волны,
Игривее важенки нежной,
Ловчее полярной лисицы,
Смелее орла молодого
И ярче звезды она.
Как уголь, черны ее косы,
Как ветер, легки ресницы,
Как утро, она румяна,
Как тонкая ель, стройна...

(«Сила любви»: ненецкая легенда)

Все эти положительные моменты в стиле Суфтина-поэта постепенно укрепляются в его прозаических произведениях.

В 1951 г. в Архангельском книжном издательстве выходит сборник его очерков «Заполярные встречи». Этот сборник рассказов писателя «Заполярные встречи» выгодно отличается от его стихотворных сборников уже самим единством материала – тематической выдержанностью. Это художественные фрагменты из жизни новой тундры, тундры тех лет, перед которой остановился Пунух. Но в отличие от Пэли Пунуха, всегда изображающего в своих произведениях «узкий» участок времен, у Суфтина сразу же намечаются широкие хроникальные рамки: перед нами тундра тридцатых годов, Великой Отечественной войны, первых послевоенных лет.

Вначале 1956 г. Георгия Суфтина избрали ответственным секретарем областного отделения Союза писателей. Он много и плодотворно работал. Кроме того, в течение ряда лет

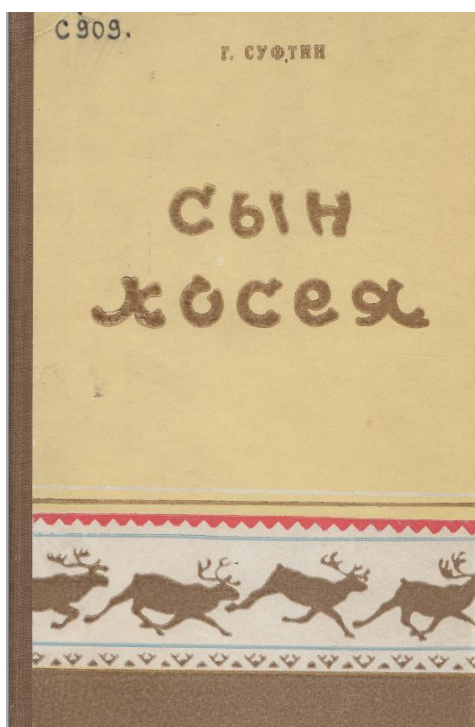


он редактировал альманах «Литературный Север», оказывал большую помощь молодым авторам. Так как у Суфтина к тому времени имелся литературный опыт – рассказы и стихи печатались в больших газетах и журналах, – то сотрудники редакции направляли к нему всех начинающих поэтов и «писателей». Он вспоминал: «Я следовал одному, на мой взгляд, единственно верному правилу: не делать никаких скидок при оценке рукописи, кому бы она не принадлежала».

В 1957 г. в журнале «Дружба народов» была опубликована повесть Георгия Суфтина «Сын Хосея» на ненецкую тематику. К тому времени Георгий Иванович уже был членом Союза писателей СССР (1946) и первый год работал секретарём Архангельского областного отделения Союза писателей (1956 – 1965).

Действие повести происходит в предреволюционное время и в первое пятнадцатилетие советской власти. Жизнь ненцев показана через восприятие главного героя Ясовея.

Через нелёгкую судьбу Ясовея, сына безоленного ненца, автор показывает жизнь ненцев до революции и становление советской власти в Заполярье. Богатеям в тундре принадлежали тысячные стада, и сколачивали они их трудом батраков, опираясь на собственную хваткую беспринципность вкупе с запугиванием населения шаманами. Хотя Суфтин писал в жанре соцреализма, нет оснований считать, что в повести что-то искажено или преувеличено. Имеется немало письменных источников о том, что так оно и было на самом деле (в т.ч. свидетельствуют писатели-ненцы: Николай Вылка, Антон Пыерка, печорская сказительница Маремьяна Голубкова и др.).



Суфтин показал в первой главе повести беспросветность жизни бедняков в Заполярье (одинаково – ненецких, русских), «всё это привычное, от века заведённое, такое, что кажется, никогда не изменится...», «...некуда податься человеку, если нет у него быстроногих оленей в упряжке, а на плечах малица, которая, того и гляди, расплзётся по швам». Писатель мастерски рисует людские характеры: тундровики-оленоводы, богатеи, русские купцы, население печорских сёл...

В следующей главе – нелицеприятная картина барских развлечений в Архангельске, куда увёз купец семью Ясовея, чтобы показывать за деньги «самоедов» богатым господам. Чум поставили на льду Двины. Вскоре купец продаёт мальчика богатой барыне, которой Ясовей служит в качестве живой игрушки: «она предвкушала тот забавный миг, когда представит гостям своего дикарёныша. Вот-то будет потеха». Когда барыни не было дома, мальчику разрешалось выходить, и

он знакомится с девочкой, Галей Шурыгиной, дочерью типографского печатника. Он научился рисовать, усовершенствовал свой русский язык, читал с Галей и её старшим братом книжки. Ясовей зовёт девочку Озёрной Рыбкой. Впервые в жизни в этом русском доме ему становится на время спокойно и уютно.

Тоскуя по родным, он попросил Галю привести его к родительскому чуму, что стоял на краю большого города. «Они пошли по льду почти до половины реки – чума не было. Даже и места стоянки незаметно, всё замела позёмка». Родители исчезли неведомо куда. Николай, брат Гали, отвечая на вопрос мальчика: «Почему люди трудятся, а живут в нищете, а баре – празднуют да развлекаются, «а добра вон сколько», рассказал о капиталистах, угнетающих трудовой народ:

«Одни работают, а другие пользуются результатами их труда. Понял?

– Понял маленько-то... Да ведь и в тундре так!

Шло время, Ясовей вернулся в родные края, но отца с матерью так и не нашёл: пропали, сгинули...

Ясовей жил в чуме у друзей, работал, – охотиться он умел, благодаря ученью отца. А над державой пронеслась Первая мировая война и революция, по тундре пополз слух: «царя ссадили». И тут, на Севере, установили советскую власть. Прогнали с Севера английских интервентов и их прихвостней, которые недолго покуражились, пытаясь восстановить прежнюю власть...

Ясовей, выучившись в Архангельске на педагога, возвращается в родные места. Он теперь женат – дочь богача Сядей-ига, красавица Нюдя, вместо свадьбы с нелюбимым, выбранным отцом, сбежала к Ясовею (похищение невесты). Молодая пара живёт в новом большом здании при школе, которой руководит молодой ненец...

Надо отметить, драматических эпизодов в повести немало: и ложный донос на учителя, и рискованная поездка Ясовея в распутицу за вакциной для оленей, любовные перипетии... Суфтина удаётся захватить внимание читателя, на какой бы странице тот не открыл книгу. Правдивая, увлекательная и добрая повесть.

Позже, переработанная и дополненная повесть «Сын Хосея» выйдет под заглавием «След голубого песка» (1963 и 1978 гг.).

«Главное достоинство писателя, – как отмечал журнал «Нева», – умение создавать убедительные образы, раскрывающие специфические национальные

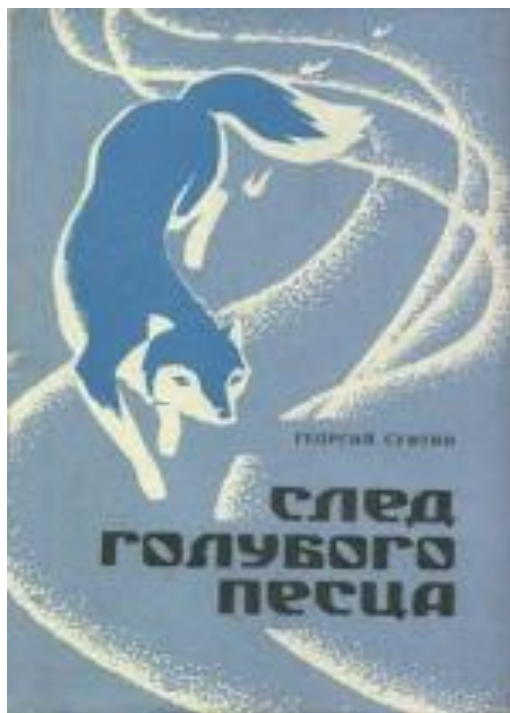


черты. Суфтин глубоко знает нравы и обычаи тундры, понимает склад характеров и мышления ненцев».

Роман «След голубого песка» – это не только повесть о полной превратностей жизни ненца Ясовея, это и книга о судьбах ненецкого народа, обреченного царизмом на вымирание и обретшего счастье свободы и равноправия в дружной семье народов.

Автор в течение ряда лет жил среди ненцев, много ездил по тундрам Заполярья, бывал на Югорском Шаре и на острове Вайгаче, что дало ему возможность с большой достоверностью изобразить быт и нравы этого народа.

Книга «След голубого песка» была издана тремя изданиями. Впервые книга выходила в Архангельском книжном издательстве в 1957 году



под названием «Сын Хосея».

Кроме «Сына Хосея» («След голубого песка»), в творческой копилке Георгия Суфтина уже две книги стихов, сборник его очерков «Заполярные встречи» (1951).

В 1960 г. в Архангельске выходит роман Г. Суфтина «Макорин жених». Этот роман трижды выходил большими тиражами. Впервые был выпущен Архангельским книжным издательством в 1960 году. Второе, дополненное и переработанное издание «Макорина жениха» относится к 1965 году. Издание третье, посмертное (1973 г.).

В романе рассказывается о нелегкой жизненной судьбе крестьянского парня Егора Бережного, ставшего знатным лесозаготовителем, о звериных нравах людей с

частнособственническими инстинктами, о воспитании в человеке коллективного сознания, о большой и трудной любви Егора и Макоры.

Роман писателя внешне не бросок, не цветист, в нем нет изощренных, надуманных ситуаций, эффектно построенных сюжетных ходов. Все очень просто, как в жизни, и сложно и противоречиво.

Судьба Егора Бережного прослеживается от середины двадцатых годов до шестидесятых годов двадцатого столетия. Характер главного героя – удивительный сплав самых

противоречивых свойств. Тут сила и ловкость, скованные осторожностью и осмотрительностью, тут трудолюбие и сноровка без знаний, где «робить» и что «робить», тут прямодушие и честность, ограниченные тугодумством и замкнутостью. Все «зигзаги» в душевной жизни героя изображены писателем чрезвычайно экономно, при помощи кратких, но психологически насыщенных сцен. Суфтин почти нигде не прибегает к прямой характеристике своего героя, но он умеет художественно точно рисовать обстоятельства. Именно изобретательность, а не описательство – экономнейшее средство показа диалектики характера Егора Бережного.

Посредством сжатого, но точного воспроизведения ситуации изображается Суфтиным и так называемый «второй план» романа – бурные события в жизни деревни, где у Бережного остались дом и семья. Полны драматизма прекрасно описанные сцены болезни крестьянского парня Фереферова, ставшего жертвой церковников, убийства отцом Харлампием церковного старосты Бычихина, ареста «святой» угодницы Платониды. Эти трудные жизненные уроки на многое открыли глаза бывшему единоличнику Егору, заставили многое переоценить, увидеть то, что он не видел раньше, – звериную личину собственничества.

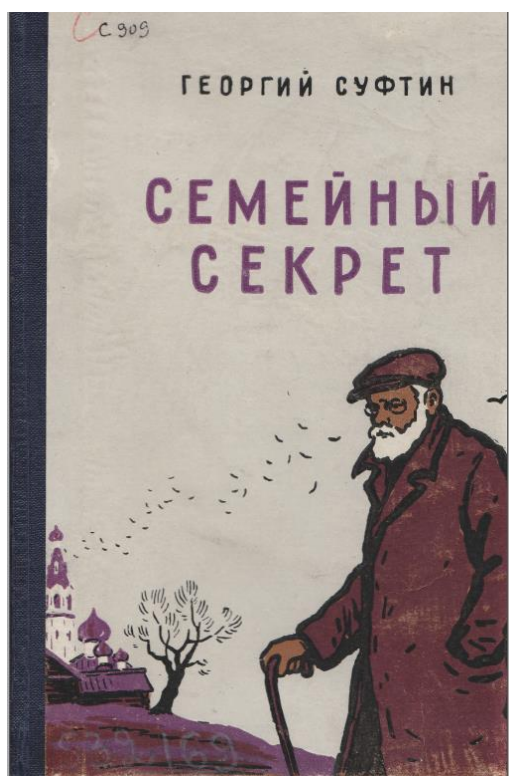
Материал в повести изучен, выстрадан писателем. Отсюда сила и точность в раскрытии психологии персонажей. Отсюда мастерство в описании бытовых сцен, меткость наблюдений и здоровый юмор, и задушевный лиризм.

Через два года после «Макорина жениха», в 1962 году была опубликована повесть «Семейный секрет». В этом произведении автор уходит еще дальше в глубь времени, начиная повествование с семидесятых годов девятнадцатого века. Место действия – небольшой северный провинциальный городок.

В книге раскрывается своеобразная и, пожалуй, новая для нашей литературы тема – труд хранителей народного искусства, мастеров серебряной черни. Но эта частная тема в процессе повествования перерастает в общую большую проблему – проблему назначения искусства, его тесной связи с народной жизнью. Это история о том, как секрет серебряной черни, который раньше по строгому завету предков сохранился лишь в одном роду, переходя из поколения в поколение, после революции был добровольно передан государству, — дает автору богатые возможности для динамичного показа жизни, быта и труда народных умельцев.

Главный персонаж произведения – черновых дел мастер Павел Уткин.

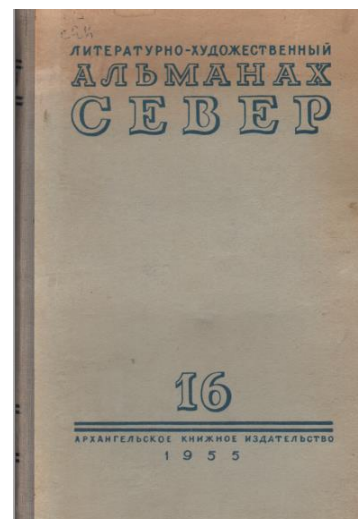
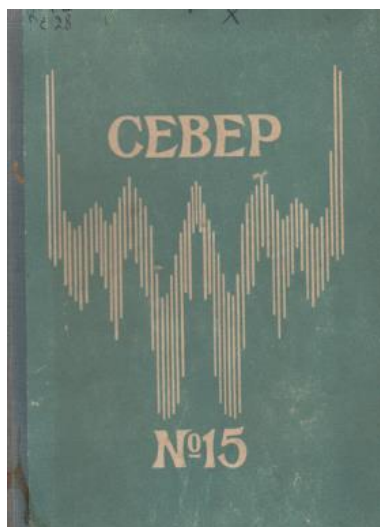
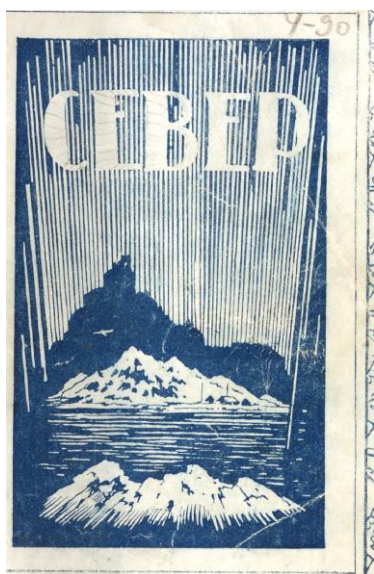
Георгий Суфтин использует свой излюбленный прием композиции характера: прослеживает почти весь жизненный путь героя,



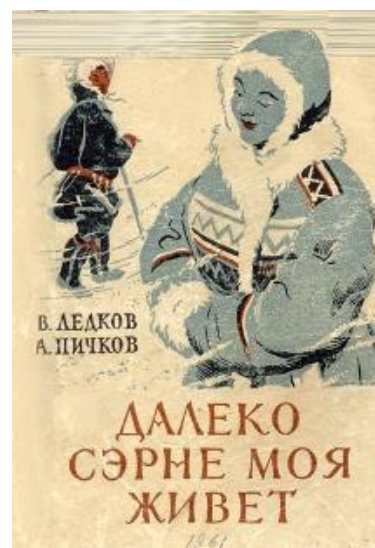
рисует образ-персонаж в движении. Автор рассказывает об овладении молодым Уткиным секретом чернения, о первых шагах его самостоятельного творчества, о его страсти к искусству, к созданию настоящих художественных ценностей, которые несли бы радость людям, доставляли бы им наслаждение.

В повести «Семейный секрет» Суфтину удалось запечатлеть движение жизни на протяжении почти столетия. Драматическое в его картинах часто переплетается с комическим, смешным, напряженность повествования смягчается улыбкой, смехом. Тяготение писателя к юмору – одно из ценных качеств его стиливой манеры.

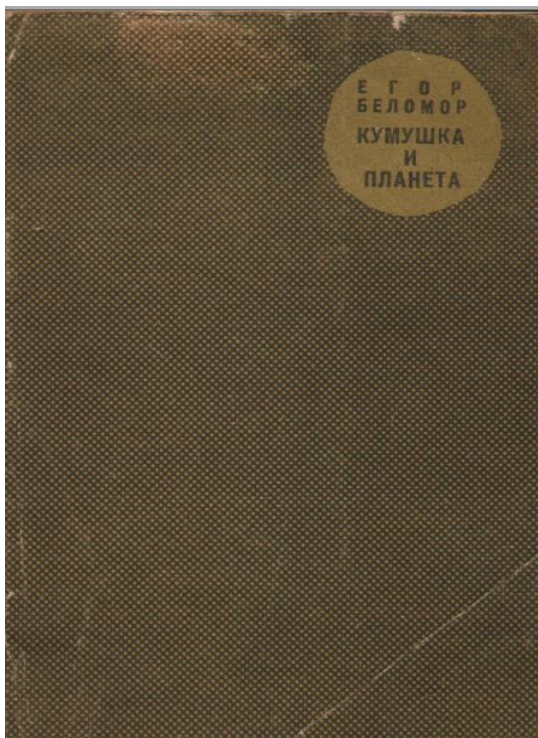
Творчество этого интересного северного писателя плодотворно в жанровых исканиях. Суфтин умело находит в жизненном потоке внешне незначительные, но очень характерные по смыслу ситуации, умеет в малом сказать многое. Его творческий труд обширен и разнообразен, многие годы он входил в редколлегия литературно-художественного альманаха «Север», который выпускало Архангельское отделение Союза советских писателей. Суфтин также редактировал и книги своих друзей-писателей.



Ледков, В. Н. Далеко Сэрне моя живет : [стихи] / В. Н. Ледков, А. Пичков ; [ред. Г. И. Суфтин ; худож. Н. Г. Ноговицын]. – Архангельск : Архангельское кн. изд-во, 1961. – 67 с. : ил.



Георгий Иванович Суфтин всего лишь месяц не дожид до своего шестидесятилетия. Но и в эти последние дни он думал не о юбилее. Его волновали новые творческие замыслы. На столе писателя осталась вчерне написанная



рукопись повести «Резной балкон» и первые главы повести о жизни деревни – «Гордые люди». Одновременно он готовил к изданию сборник сатирических произведений – фельетонов, стихов, басен. Уже после смерти писателя вышла в свет книжка басен и пародий «Кумушка и планета» под его псевдонимом – Егор Беломор.

Преждевременно уйдя из жизни, он оставил нам свои произведения, в которые вложил свое сердце, свои мысли, присущее ему чувство юмора.

Читателям известен Г. Суфтин, как автор романов, повести, стихов. Но далеко не все знают, что часто появлявшиеся в свое время на страницах областных газет сатирические произведения Егора Беломора также принадлежат перу Георгия Суфтина. В книге «Кумушка и планета» объединены лучшие из произведений Егора Беломора – его басни и литературные пародии.

Книголюбы

Я знал красавицу одну.
С рассвета до темна
лежала с книгою в руках
без отдыха она.

И без разбора проглотив
романов сотни две,
она запомнить не могла
прорехи в голове.

Знакомый мой библиофил,
влюбленный в книжный строй,
готов был три часа стоять
за книгой подписной.

Его спросил однажды я:
– Скажи мне, мой дружок,
что больше ценишь в книге ты?
– Тисненный корешок.

Я знал доцента одного.
Он книгу так любил,
что с нею сутки напролет
готов возиться был.

Что ж, в книге мудрость обрета,
он стал умом богат?
О, нет! Ее ценил доцент,
как арсенал цитат.

Я знал простого пастуха.
И он читать любил.
В своей пастушеской суме
немало книг носил.

Из книг знания почерпнув,
он стадо выпасал.
И, выпасая стадо,
сам
книгу написал.

Тут заключение рвется с губ:
бывает разный книголюб.

В Архангельске Георгия Ивановича часто можно было видеть прогуливающимся на набережной Северной Двины. Он часто и подолгу останавливался у парапета, любовался суетливой жизнью реки, изменчивыми красками северного неба.



Он любил жизнь, любил оживление архангельских улиц, вечерами неторопливо, в творческих раздумьях, часто гулял по ним. На прогулках Георгий Иванович обдумывал свои будущие произведения — стихи, поэмы, повести,

неторопливо размышлял о судьбах своих героев. Он знал и любил литературу, как знал и любил жизнь, людей, Родину, Русский Север.

Георгий Суфтин в 1955 году избирался депутатом Архангельского областного Совета депутатов трудящихся, членом обкома КПСС, что было почетно в те годы. Награжден медалями.

Сорок лет жизни Георгий Иванович Суфтин отдал журналистике и писательскому труду. Опыт журналиста приносил ему богатый запас жизненных наблюдений и впечатлений, профессия литератора позволяла возводить их в степень художественных обобщений.

Георгий Суфтин прожил всего 59 лет. Умер он в Архангельске 23 декабря 1965 года. Похоронен в Архангельске, на Кузнечевском кладбище.

Скульптор Валентин Михалёв, автор монументальных проектов, создал ряд памятников-мемориалов на воинских захоронениях в Архангельске, в том числе и надгробие писателю, поэту и журналисту Георгию Суфтину.

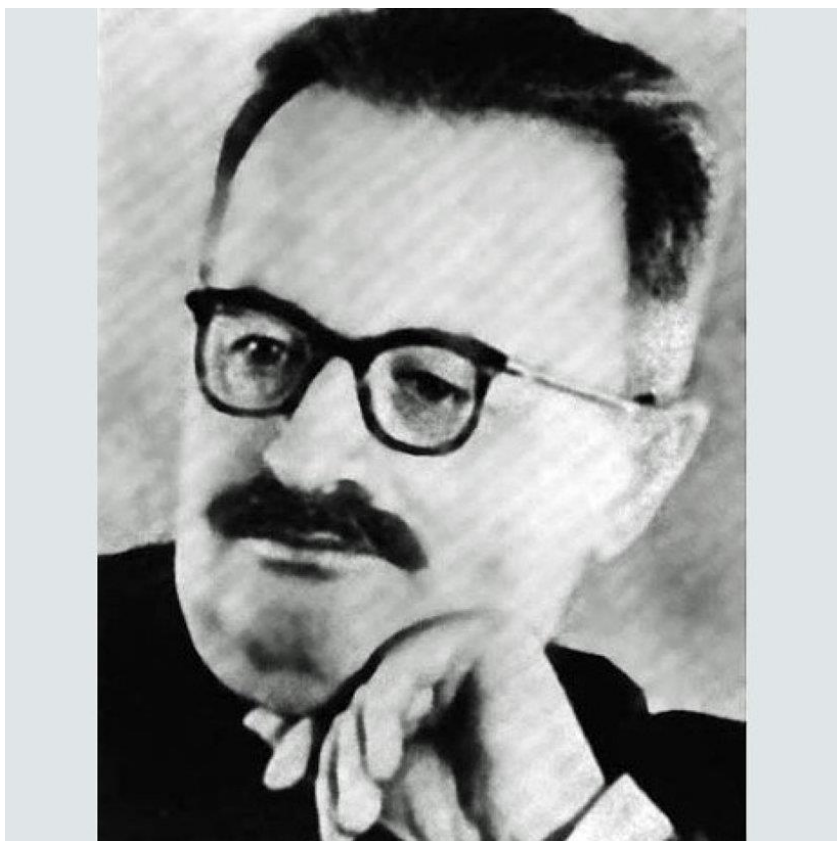
Ушел из жизни автор, но оставленные им произведения продолжают его жизнь. Как дань признательности и уважения горожан к писателю и журналисту Георгию Ивановичу Суфтину, его именем названа улица в Архангельске, бывшая Пригородная. Расположена параллельно проспекту Обводный канал, тянется от улицы Садовой до улицы Северодвинской. От улицы отходит 1-й проезд. Прежнее название указывало на окраинное положение улицы. Здесь заканчивалась северная часть центральной части города. В связи с развитием города появились новые массивы жилых кварталов, раскинувшихся от этой улицы до железнодорожного вокзала. Старое название не отражало расположения этой магистрали.

Постановлением администрации Лузского района Кировской области от 04.06.2004 г. № 212 на основании ходатайства директора Лузской ЦБС Шуваловой В. А. и главы администрации Папуловского сельского округа Соколовской Г. В. в целях увековечения памяти знатных земляков Савинской сельской библиотеке в Лузском районе, на родине писателя, присвоено имя Суфтина Георгия Ивановича.

Не оборвалась и литературная ниточка Георгия Суфтина и продолжилась в династии писателя. Борис Георгиевич Суфтин, сын Георгия Суфтина, был журналистом «Северного комсомольца» и редактором творческого объединения «Новости» архангельского областного телевидения. Он вспоминал: «Я, наверное, с первого класса торчал в редакции. Ковырялся в великолепной библиотеке, видел очень интересных, азартных людей. Отец трепетно относился к работе. Умел рассказывать о ней. И мне показалось, что журналистика – это как раз то, чем и я должен заниматься».

Правнук, Роман Суфтин – журналист газеты «У Белого моря», продолжил дело своего прадеда. Со слов Романа, дома хранится библиотека деда, как память о нем. Он общается с людьми, которые знали прадеда, т.к. личность Георгия Суфтина ему особенно интересна и дорога.

Г. И. Суфтин. Библиография



Книги

Стихи / Г. И. Суфтин. – [Архангельск] : Архгиз, 1940. – 64 с.

Стихи / Г. И. Суфтин. – [Архангельск] : Архангельский ОГИЗ, 1947. – 115 с.

Заполярные встречи : рассказы и очерки / Г. Суфтин. – Архангельск : Арханг. обл. гос. изд-во, 1951. – 87, [2] с. : ил. – Содерж.: Встреча в чуме; Празднество в Нарьян-Маре; Палатка на Неруте; Песцовый загон; Олений пастух; Имя дочери; Юной из редакции; Письмо; Камень жизни; Любовь охотника; Летающая лодка; Шофер Иванко; Колхоз на Янгаре.

Сын Хосея : повесть / Г. Суфтин ; [худож.: Д. К. Свешников]. – Архангельск : Архангельское кн. изд-во, 1957. – 213, [2] с., [1] л. ил.

Макорин жених : повесть. – Архангельск : Архангельское кн. изд-во, 1960. – 330 с.

Макорин жених : [роман] / Г. Суфтин ; [вступ. ст. Ш. Галимова]. – [2-е изд., дораб. и доп.]. – [Архангельск] : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. – 317, [2] с. : ил.

Макорин жених : роман / Г. И. Суфтин. – 3-е изд. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1973. – 296 с.

Семейный секрет : повесть / Г. Суфтин ; худ. С. Г. Григорьев. – Архангельск : Архангельское кн. изд-во, 1962. – 180 с.

След голубого песца : повесть / Г. Суфтин. – Архангельск : Архангельское кн. изд-во, 1963. – 232 с.

След голубого песца : [повесть : для среднего и старшего . школьного возраста / Г. И. Суфтин ; [худож. Н. И. Кисляков]. – 3-е изд. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1978. – 199 с. : ил.

Кумушка и планета : басни, пародии / Егор Беломор ; [худож.: В. С. Вежливцев]. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1967. – 34, [1] с. : ил. Перед заглавием автор: Егор Беломор. В вып. дан. автор: Егор Беломор (Георгий Иванович Суфтин).

Художественные произведения в сборниках и в периодических изданиях

Басни / Егор Беломор (Г. Суфтин) // Север : лит.-художеств. альманах Архангельского отделения Союза советских писателей. – Архангельск, 1954. – Вып. 15. – С. 159–164. – Содерж.: Трещотка; Пастух и коза; Модница Векш; Урок щукам; Критика и мокрица; Как с гуся вода...; Барбос и Шавка.

Весенний день, Песня ткачихи : стихи / Г. Суфтин // Север : лит.-художеств. и обществ.-полит. альманах Архангельского отделения Союза советских писателей. – Архангельск, 1949. – Вып. 11. – С. 108–110.

Вокруг да около : эпиграммы / Егор Беломор // Литературный Север : лит.-художеств. альманах Архангельского отделения Союза писателей РСФСР. – Архангельск, 1959. – Вып. 2. – С. 111.

Зимняя Золотица : [стихотворение] / Г. Суфтин // Север : лит.-художеств. и обществ.-полит. альманах Архангельского отделения Союза советских писателей. – Архангельск, 1949. – Вып. 11. – С. 110–111.

Корабельщики : повесть в стихах / Г. Суфтин // Север : лит.-художеств. и обществ.-полит. альманах Архангельского отделения Союза советских писателей. – Архангельск, 1949. – Вып. 11. – С. 161–171.

Поэма «Корабельщики» посвящена рождению русского флота во времена Петра Первого, относится к раннему периоду творчества Г. Суфтина. Она была впервые опубликована в альманахе «Север» в 1949 году.

Корабельщики : отрывки из поэмы / Г. Суфтин // День поэзии Севера. 1967. – Петрозаводск, 1968. – С. 254–257.

Отказ / Г. Суфтин // Север : лит.-художеств. и обществ.-полит. альманах Архангельского отделения Союза советских писателей. – Архангельск, 1938. – Вып. 4. – С. 38–39.

Девушка-ненька отказывается выйти замуж за богатого жениха.

Поездка. Песцовый загон. На Каре-реке / Г. Суфтин // Ненецкий край. Сквозь вьюги лет : очерки. Статьи. Документы : посвящ. 70-летию Ненец. авт. округа и 500-летию Пустозерска / Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; Землячество Ненец. округа «Тосавэй» ; [ред.-сост. В. Ф. Толкачев]. – Архангельск, 2000. – С. 341–342.

Помним! : поэма / Г. Суфтин // Север : лит.-художеств. и обществ.-полит. альманах Архангельского отделения Союза советских писателей. Альманах, 1950. – Вып. 12. – С. 83–109.

Сила любви : ненецкая легенда; **Ветер весны**; **Сумятица света** / Г. Суфтин. – Поэзия Севера. – Архангельск, 1966. – С. 146–151.

Стихи / Г. Суфтин // Беломорье : сб. стихов молодых поэтов Севера. – Архангельск : Севкрайгиз, тип. «Сев. Печатник», 1936. – С. 1–16.

Сынишка рисует; К родным местам; Письмо из Берлина / Г. Суфтин // Север : альманах Архангельского отделения Союза советских писателей. – Архангельск, 1946. – С. 131–133.

Белая ночь : рассказ / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1960. – 1 мая.

Встреча в чуме : рассказ (фрагмент) [Георгия Суфтина – писателя, редактора «Правды Севера» в 1950-х : по материалам сайта «Литературный Север» АОНБ им. Н. А. Добролюбова] // Правда Севера. – 2015. – 19 авг. (№ 98). – С. 22–23. – (Год литературы с Добролюбовкой).

Встреча у пленницы : рассказ / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1961. – 14 мая.

Звездоплаватель : стихотворение / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1962. – 12 апр.
Посвящение первому космонавту Ю. Гагарину.

Корабельщики : [рассказы об Архангельске : отрывки из поэмы] / Г. Суфтин // Северный комсомолец. – 1983. – 4, 6 янв.

Новая басня Егора Беломора. Судьба Осота / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1966. – 22 янв.

Первый шаг : [стихотворение] / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1961. – 4 дек.

Письмо из Берлина : [стихотворение] / Г. Суфтин. // Правда Севера. – 1986. – 6 мая.

Победа за нами : [стихотворение] / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1941. – 13 июля. – С. 3.

Резной балкон : отрывок из повести / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1966. – 22 янв.

Срочный вызов : рассказ / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1964. – 3 янв.

Сумятица света : [стихотворение] / Г. Суфтин // Нарьяна Вындер. – 1968. – 21 сент.

Три года : [стихотворение] / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1944. – 22 июня (№ 123). – С. 1.

Утро победы : [стихотворение] / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1945. – 13 мая.

Чайка : рассказ / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1964. – 2 сент.

Юность : стихи / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1964. – 1 нояб.

Публикации

Валенки «Мечта» : маленький фельетон : [о некачественной продукции Ровдинской промартели] / Г. И. Суфтин // Правда Севера. – 1944. – 10 дек. (№ 242). – С. 2.

Заполярье : очерк / Г. Суфтин // Север : лит.-художеств. и обществ.-полит. альманах Архангельского отделения Союза советских писателей. – Архангельск, 1937. – Вып. 3. – С. 81–94.

Книги северян / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1957. – 2 июня.

Культура и фанера / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1965. – 10 июля (№ 161).

Литературное Заполярье / Г. Суфтин // Альманах ЛитО «Заполярье» – 2010. – № 10. – С. 7-10 ; Правда Севера. – 1963. – 10 апр.

Медвежья болезнь / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1942. – 27 янв. (№ 22). – С. 4. – (Маленький фельетон).

Фельетон о неожиданных болезнях, скосивших представителей немецкого генералитета. Автор связывает эту ситуацию с фронтовыми успехами Красной Армии.

Мой заполярный друг : (об Иване Меньшикове) // Север. – 1947. – № 9. – С. 197–206.

Об И. Меньшикове - сотруднике газеты «Няръяна Вындер».

На набережной Ленина : (рассказ писателя об Архангельске) / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1964. – 22 апр.

На просторах тундры : очерк / Г. Суфтин // Север. – 1948. – № 9. – С. 103–121.

Ответственный долг литератора / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1958. – 19 сент.

Очерки о людях советского Севера / Г. Суфтин // Север : лит.-художеств. и обществ.-полит. альманах Архангельского отделения Союза советских писателей. – Архангельск, 1947. – Вып. 10. – С. 81–88.

Очерки о лесорубах и оленеводах в стихах.

Серебряная поэма : очерк / Г. Суфтин // Север : альманах Архангельского отделения Союза советских писателей. – Архангельск, 1946. – С. 246–257.

Сто картин северного живописца : заметки о выставке А. В. Казакова / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1960. – 5 июня.

Фашистский вой / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1942. – 29 янв. (№ 24). – С. 4. – (Маленький фельетон).

У одра «фюрера» : маленький фельетон / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1944. – 14 нояб. (№ 225). – С. 2.

Рецензии

Жизнь героя : рецензия / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1959. – 10 сент.
Рец. : Копылов А. И. Павлин Виноградов / А. И. Копылов. – М., 1959. – 62 с.

Из новых стихов Дмитрия Ушакова : рецензия / Г. Суфтин // Северный комсомолец. – 1960. – 5 авг.

Книга интересная, но ... / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1964. – 10 июня
Рец. : Мунин А. Н. Север и художники. – Вологда, 1964. – 168 с.

Новые стихи Александра Яшина / Г. Суфтин // Правда Севера. – 1964. – 5 июля.

Поэт шагает по стране / Г. Суфтин // Север. – 1961. – 25 авг.
Рец. : Молчанов И. Н. Я иду по любимой России / И. Н. Молчанов. – М. : Сов. Россия, 1961.

Яшин А. Я. Стихи : [рецензия Г. Суфтина] / А. Яшин // Литературная газета. – 1947. – 20 дек.

Литература о жизни творчестве Г. И. Суфтина

Доморощенин, С. Н. Суфтин Георгий Иванович // Поморская энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. Н. П. Лаверов. – Архангельск, 2012. – Т. 4 : Культура Архангельского Севера. – С. 525.

Куратов, А. А. Суфтин Георгий Иванович / А. А. Куратов // Поморская энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. Н. П. Лаверов. – Архангельск, 2001. – Т. 1 : История Архангельского Севера. – С. 401.

Нечай, А. В. Суфтин Георгий Иванович / А. В. Нечай, В. Ф. Толкачев // Архангельские журналисты: XX век : энциклопедия / авт. идеи и ред.-сост. В. Ф. Толкачев. – Архангельск, 2008. – С. 437–438.

Георгий Иванович Суфтин // Архангельские писатели : биобиблиогр. справочник / сост. Б. Пономарев. – Архангельск, 1986. – С. 161–164.

Георгий Иванович Суфтин // Писатели и поэты Архангельской области : библиогр. справочник. – Архангельск, 1962. – С. 20–21.

Селезнев, А. Г. Могила Георгия Суфтина / А. Г. Селезнев // Селезнев А. Г. По Архангельску и области : путеводитель. – Архангельск, 1974. – С. 47.

Суфтин Георгий Иванович // Имена писателей на карте Архангельска : биобиблиографический путеводитель. – Архангельск, 2013. – С. 37–39 : фото.

Богданов Е. Георгий Суфтин / Богданов Е. // День поэзии Севера. 1967. – Петрозаводск, 1968. – С. 252–257.

Галимов, Ш. З. Человек идет к свету / Ш. З. Галимов // Чувство времени. – Архангельск, 1966. – С. 56–75.

Коковин, Е. С. [Улица Суфтина] / Е. С. Коковин // Коковин Е. С. Улицы Архангельска рассказывают. – Архангельск, 1973. – С. 48.

Михайлов, А. А. Север в литературе / А. Михайлов. – Архангельск, 1961. – С. 144–147.

Овсянкин, Е. И. Улицы Архангельска рассказывают / Е. И. Овсянкин. – Архангельск, 1995. – С. 95.

Пономарев, Б. С. Писатель и журналист / Б. С. Пономарев // Литературный Архангельск / Б. С. Пономарев. – Архангельск, 1989. – С. 184–187.

Факты биографии [Г. Суфтина] // «Правда Севера» с читателем 90 лет : сборник заметок, зарисовок, очерков / авт.-сост. : С. Доморощенин, А. Новоселов. – Архангельск, 2007. – С. 121 : фото.

Беднов, А. В. «Пунух» – тундровый воробей / А. В. Беднов // Правда Севера. – 1996. – 29 февр.

О вечере, посвященном творчеству писателей Голубковой М., Тыко Вилки, Суфтина Г., Синицына Т.

Богданов, Е. Жизнь светлая и чистая : к 80-летию со дня рождения Георгия Суфтина / Е. Богданов // Правда Севера. – 1986. – 19 янв.

Георгий Иванович Суфтин : (к 70-летию со дня рождения) // Памятные даты Архангельской области, 1976 год. – Архангельск, 1976. – С. 14–15.

Егор Беломор чтим до сих пор : о писателе Г. Суфтине и его книгах // Правда Севера. – 1994. – 25 мая. – С. 2.

Ленина, Л. И. По большому счету : [о Г. Суфтине] / Л. И. Ленина // Север. – 1957. – № 18. – С. 184–189.

Пичков, А. Наш друг – Георгий Суфтин / А. Пичков // Нарьяна Вындер. – 1968. – 21 сент.

Пономарёв, Б. Журналист и писатель : к 75-летию со дня рождения Г. И. Суфтина / Б. Пономарёв // Правда Севера. – 1981. – 22 янв.

Он же. С любовью к людям : к 70-летию со дня рождения Г. И. Суфтина / Б. Пономарев // Правда Севера. – 1976. – 22 янв.

Скороходов, М. Встречи с другом : [к 60-летию со дня рождения Г. Суфтина] / М. Скороходов // Правда Севера. – 1966. – 22 янв. – С. 4 : фото.

Суфтин, Б. И оптимист, и фаталист: «Зэк», журналист, настоящий мужчина, ходячая энциклопедия – это Борис Суфтин // Б. Суфтин ; беседовал С. Доморощенин // Правда Севера. – 1997. – 19 июня. – С. 6.

Интервью с сыном Г. И. Суфтина, Б. Г. Суфтиным.

[Суфтин Г.] // Север. – 1976. – № 12. – С. 112–116.

Суфтин Георгий Иванович (22 (9).01.1906 – 23.12.1965) : писатель, поэт, журналист // Календарь знаменательных и памятных дат, 2006. – Нарьян-Мар, 2005. – С. 13–14. – Библиогр. в конце ст.

Федорков, В. «Писахова помню, Суфтина...» : разговор в Камышине о знаменитых архангелогородцах / В. Федорков // Правда Севера. – 1990. – 16 дек. – С. 12.

Шадхан, З. Улица Георгия Суфтина / З. Шадхан // Правда Севера. – 1966. – 21 авг.

Георгий Иванович Суфтин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://publ.lib.ru/ARCHIVES/S/SUFTIN_Georgiy_Ivanovich/_Suftin_G.I..html. (Проверено 10.02.2016).

Георгий Иванович Суфтин (22.01.1906 – 23.12.1965) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://writers.aonb.ru/map/nao/syftin.htm>. (Проверено 10.02.2016).

Суфтин Георгий Иванович (1906–1965) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://arh-necropol.narod.ru/obnovleniya/suftin/> (Проверено 10.02.2016).

Рецензии на произведения Г. И. Суфтина

Галимов, Ш. З. Воспитание характера / Ш. З. Галимов // Правда Севера. – 1960. – 31 дек.

Рец. на кн. Суфтин Г. Макорин жених / Г. Суфтин. – Архангельск: Книжное издательство, 1960. – 327 с.

Он же. Счастье старого мастера / Ш. З. Галимов // Правда Севера. – 1963. – 9 марта
О произведениях Г. Суфтина «Сын Хосея», «Семейный секрет».

Очерки о гвардейцах-северянах // Правда Севера. – 1943. – 10 февр. (№ 33). – С. 2.

В Архангельском областном издательстве выходит в свет книга фронтовых очерков Копылова А. и Суфтина Г. «Гвардейцы». В ней рассказывается о сражающихся на фронте северянах.

Скороходов, М. Е. Как пробуждалась тундра : о повести Г. Суфтина «Сын Хосея» / М. Е. Скороходов // Правда Севера. – 1958. – 12 марта.

Тимм, Д. О литературной технике и редактуре / Д. Тимм // Новый мир. – 1940. – № 10. – С. 254–255.

О книге стихов Г. Суфтина и литературно-художественном сборнике «Север», 1940, № 6.

Некрологи

Георгий Иванович Суфтин : [некролог] // Север. – 1966. – № 1. – С. 160.

Суфтин Георгий Иванович : некролог // Правда Севера. – 1965. – 24 дек.

Суфтин Георгий Иванович : некролог // Северный комсомолец. – 1965. – 24 дек.

Памяти писателя // Правда Севера. – 1966. – 24 дек. – С. 4.

В годовщину смерти писателя на его могиле открыт памятник.

Литературное Заполярье

Статья из областной газеты «Правда Севера», 1962 год



30-е годы... Редакция «Нарьян-на вындер» в ту пору помещалась в нижнем этаже Дома Советов. Сотрудников можно было перечесть на пальцах одной руки. Не мудрено поэтому, что в редакции керосиновые лампы зажигались раньше всех и гасли позднее всех. Нарьянмарцы знали, что в редакцию можно зайти в любой час, там всегда есть люди – и шли к нам на огонек.

Частенько заходил в нашу редакцию управляющий конторой Госбанка Дмитриев. Он приносил статьи на самые злободневные темы и мы охотно печатали, потому что «финансовый король Заполярья» хорошо знал и о рыбных промыслах, и о заготовке пушнины, и о строительстве, которое в те годы развивалось бурно на берегах Печоры. Однажды он появился у нас с объемистой рукописью, подошел к столу как-то бочком, тушуясь, и, сунув рукопись, покраснел. Это на него не было похоже.

– Вот, посмотрите, может подойдет, – сказал он, и не присел на стул, как обычно бывало, когда с увлечением развивал положения, высказываемые в статьях, потрясал сводками, сыпал примерами. Нет, нынче он быстро поднял воротник пальто, что-то буркнул на прощание и исчез за дверью. Это поведение меня насторожило. Что с ним? Беру рукопись, пробегаю глазами, и все становится ясным. Наш почтенный «банкир» приобщился к литературному творчеству. Рукопись озаглавлена «Деревянная сопка». Это рассказ о том, как кочевой ненец-оленьевод построил свой дом. На завтра я пошел в Госбанк, чтобы переговорить с автором рассказа. Его не оказалось в кабинете. Я ждал его в редакцию целую неделю, но он не приходил. Случайно я увидел его на улице, Дмитриев, заметив меня, поспешно свернул за угол и исчез, растаяв в тундровом мареве. Когда «Деревянная сопка» появилась в газете, управляющий Нарьян-Марским госбанком прибежал в редакцию взволнованный, растерянный.

– Что вы наделали! Ведь я принес только показать. Как я теперь людям на глаза покажусь?..

Стоило немалого труда успокоить его.

Читатели рассказ встретили благосклонно.

А пример оказался заразительным. Вскоре в редакции появился управляющий окружной пушнозаготовительной конторой с рассказом «Шапка Ивана Матвеевича». Еще через некоторое время пришел с ворохом литературных произведений председатель Нарьян-Марского горсовета...

Наша газета не гнушалась литературного творчества местных авторов. Мы печатали и рассказы, и стихи, и очерки, и зарисовки... Вероятно, не все они были, как говорится, на уровне, да и уровень в ту давнишнюю пору был совсем не тот, что ныне, но тогдашние наши читатели были довольны. Им газета нравилась, они ее охотно читали. Думаю, что в этом немалую роль играли наши литературные страницы. Так уж повелось: всякого, кто приходил в редакцию с рассказом или стихотворением, встречали наши работники радушно и приветливо. А так как у меня к тому времени имелся некоторый литературный опыт – мои рассказы и стихи печатались в больших газетах и журналах, то сотрудники редакции всех начинающих поэтов и писателей направляли ко мне, и у меня в округе стали завязываться литературные связи. Возникла обширная переписка с начинающими авторами. Я следовал одному, на мой взгляд, единственно верному правилу: не делать никаких скидок при оценке рукописи, кому бы она не принадлежала. Меня в редакции даже упрекали за прямоту и резкость при разборе литературных произведений. Но вот интересно: обижающихся на резкий критический отзыв были редкие единицы, а приток рукописей в редакцию все увеличивался. И что хорошо – чувствовалось, что раскритикованные начинают строже относиться к своим литературным опытам, раз от разу рукописи становятся совершеннее.

Нарьян-Мар строился. Он рос на глазах. Над Белощельем в то лето носился запах смолистой сосны. Желтые коробки двухэтажных многоквартирных домов поднимались на всем пространстве от Печорского шара до Каюша. Уже стали обозначаться главные улицы. Конечно, Нарьян-Мар городом назывался еще так, условно, из чувства уважения. Но что он будет городом, виделось и в размахе строительства, и в почтительном труде морских парходов, подходящих к причалу.

Лето – пора отпускная. И у нас в редакции летом было безлюдье. Поэтому всех нам очень

обрадовала телеграмма: едет новый работник. Новый, да еще столичный, из Москвы, – не шутки. И вот он прибыл. В редакцию зашел застенчивый юноша. Слегка краснея, сказал:

– Я буду у вас работать.

Мы, считавшие себя закаленными полярными волками, пожали плечами. Неказистый вид юноши, почти мальчика, в мешковатом, не по росту, пиджаке, в сереньких хлопчатобумажных брюках, произвел на нас не лестное для него впечатление.

– Что же вы будете здесь делать? – прищурился, спросил Женя Уляшев.

– А все, что придется, – ответил юноша, улынувшись так хорошо и душевно, что наши тундровые сердца немного оттаяли. Даже хмурый заведующий оленеводческим отделом Александр Кузнецов оторвался от вораха своих бумаг и протянул руку.

– Ну-ну, значит, нашего полку прибыло. Пойдемте, я покажу вас редактору.

Бородатый и очкастый редактор Левинский, непрестанно поднося кулак к переносице, потому что роговые его очки никак не могли удержаться на месте и сползали к кончику носа – их приходилось поправлять, – рассматривал гостя, как бы оценивая его.

– Из Москвы, значит? В заводской многотиражке работали? Гм... А что же вас потянуло в такую даль, на Север? У нас ведь холодно, придется по тундре ездить, в чумах жить, сырое оленьё мясо есть. Не страшитесь? А, молодой человек?..

Так появился у нас новый сотрудник – Иван Меньшиков. Мы с ним подружились с первых же дней. Простота и непосредственность, любопытство к жизни, немножко наивная восторженность и, наконец, почти детская беспомощность в самых простых житейских делах – все было в нем так свежо и чисто, невольно привлекало к нему.

Меньшиков часто заходил ко мне. Я был рад гостю, мы подолгу болтали – я ему рассказывал о тундре, он мне о Москве.

В одну из таких бесед Меньшиков, смущаясь, признался, что хочет попробовать свои силы в литературе, что его сильно влечет Север, что он хочет написать книгу о Севере, его людях, буднях Советского Заполярья. Скажу честно, я иронически отнесся тогда к этим мечтам юноши. Немало любителей северной экзотики приходилось встречать, но что-то быстро они исчезали с заполярного горизонта.

Молодой наш литработник рвался в тундру, ему хотелось пожить с ненцами в их чумах, ближе познакомиться с обычаями и укладом кочевников. А в тундру его не отпускали: очень уж он казался юным и плохо приспособленным к жизни.

– Да куда вам в тундру, – говорил редак-

тор, поводя бородой и поправляя очки, – куда вы поедете, ведь на первой же кочке свалитесь с нарт и замерзнете в снегу. Тундра не Тверской бульвар. Нет, нет, я детей в тундру отправлять не намерен, не могу. Без няньки детей в тундру не отпускаю!

Ваня краснел и глядел исподлобья.

– Вы что же, меня за мальчика считаете? Это, знаете...

Но редактор был непреклонен. Меньшиков же не унимался. Он страстно хотел видеть все собственными глазами – для этого он и ехал сюда, а не для того, чтобы сидеть в прокуренной редакции. В конце концов ему удалось уломать редактора. Приказ о командировании его в «Харп» был подписан и, воодушевленный, наш Иван натягивал на себя неуклюже тобоки, малицу и совик и крепко жал всем руки на прощание.

По возвращении он, не снимая тундровой одежды, явился ко мне.

– Ань здорово, луца хибяри! – торжественно крикнул он. – Во! Видишь, говорить по-ненецки научился.

– Вот тебе раз! Неужели на первой кочке не свалился с нарт?

– Да я уже самостоятельно оленьей упряжкой управляю. Я уж айбурдать умею. Я уже тынзей кидать научился. Знай наших!

За чаем он долго и увлекательно рассказывал о своих впечатлениях.

– Ты понимаешь, какой это хороший, честный, простодушный народ – ненцы. Как они тянутся к культуре, как жадно хотят все знать. Нет, я просто в восторге от них, я влюблен в них. Книгу о них я напишу. Смейся, не смейся, а напишу, вот увидишь.

– Ты сначала научись в газету заметки писать, а потом уже о книгах толкуй, – съязвил я. Это было с моей стороны жестоко и необдуманно. С заметками у Меньшикова получалось плохо. Секретарь их браковал нещадно и заставлял переделывать по пять раз. Ваня наш пытел, правил, переделывал, а заметки шли в корзину.

Не допив стакан, оставив совик и малицу, Ваня убежал к себе.

После поездки в тундру Меньшиков написал для газеты очерк. В очерке было много наивного, но он подкупал свежестью и взволнованностью. Он отличался от наших газетных материалов и стилем. Все убедились, что у автора есть литературный задатки. Очерк был принят благосклонно. Редактор даже похвалил его, что вообще делал редко. Иван скромно улыбался и в тот день был особенно ласков со всеми.

В разгар пушных промыслов в редакцию пришел управляющий пушнозаготовительной конторой. Наш заведующий тундровым отделом Саша Кузнецов обрадовался ему:

– Статью о ходе пушных промыслов принесли? Вот хорошо!

Но перелистав объемистую рукопись, пожал плечами и возвратил ее автору.

– Не подходит. Не до рассказов теперь. Заготовки-то у вас на сколько процентов? На двадцать пять? Об этом надо написать, а не о шапке Петра Матвеевича какого-то...

Обескураженный автор поспешил спрятать рукопись. К нему подошел Меньшиков.

– Разрешите посмотреть?

Заведующий пушнинами недоверчиво покосился на него.

– Чего уж смотреть, раз не годится...

Но рукопись дал.

– Я прочитаю, товарищ. И мне бы потом хотелось с вами поговорить, – сказал Иван Меньшиков.

Через несколько дней заведующий пушнинами пришел опять. Меньшиков утащил его в дальний угол и о чем-то долго и горячо с ним говорил.

Почта приносила в редакцию ежедневно много писем со стихами, рассказами, а иной раз почтальон вынимал из сумки толстенную бандероль. Мы знали – в ней роман. Меньшиков охотно брал эти рукописи и, сколь бы они ни были безнадежны, не жалел труда на переписку с их авторами.

– А не создать ли нам при редакции литературный кружок? – сказал мне однажды Иван. – Стали бы коллективно разбирать произведения, чему-нибудь да научились бы!

Литературный кружок оказался настолько популярным, что вскоре его занятия стало трудно проводить в просторной комнате редакции. Кто только не приходил на наш огонек, кто только не приносил на суд товарищеской критики своих произведений! Радовало и то, что среди наших кружковцев стали появляться ненцы. К нам ходили Иван Лагейский, Ефим Соболев, Егор Талеев, Семен Ноготысьи.

На занятия в кружке часто ходила и молодая ненка Стеша Ардеева. Она училась в педагогическом училище. В спорах наших она не участвовала, но слушала всегда внимательно. Ивану удалось узнать, что Стеша пишет рассказ. Он заговорил с ней об этом. Стеша вспыхнула, замахала руками.

– Да пустяки пишу, пустяки. Другим неинтересно.

Меньшикову с трудом удалось раздобыть ее рукопись. Он ухватился за нее, как за клад, не давал Стеше покоя, заставлял ее переделывать, учил, рассказывал об элементарных законах литературного творчества. Стеша поверила ему. Она приходила в редакцию, садилась у стола Меньшикова и терпеливо ждала, когда он разделается со своими заметками.

Долгими вечерами они сидели над рассказом, слово за словом разбирали и обсуждали его. Я не помню, сколько времени они трудились над ним. Но я очень хорошо помню, как сиял наш Ваня Меньшиков, когда рассказ был закончен. Стеша прочитала его на собрании. Все хвалили, многие растрогались. А Меньшиков выступил с критикой.

– Стеша может лучше писать, – говорил он. – Стеша может научиться лучше писать. Так пусть она учится. Пусть она не думает, что уже стала писательницей. До этого ей еще далеко. Но она может и, стало быть, она должна.

Когда у кружковцев после упорных трудов, после неудач и разочарований, наконец, появились хорошие рассказы и стихи, мы затеяли издавать литературный альманах. Нельзя забывать, что это было тридцать лет назад и это было, почитай, на самом краю земли. Литературный альманах в тундре? Не беспочвенная ли это затея?

Мы отобрали для альманаха рассказы, очерки, стихи. Ночи сидели над их доработкой и редактированием. Еще и еще раз подвергали критическому разбору в кружке. Наконец, сдали в печать. Даже наборщиков увлекла идея выпустить заполярный альманах: они набирали его в нерабочее время, воскресниками. На рыхлой газетной бумаге, в розовой обложке, похожей на промокашку, эта книжка с названием «Заполярье» казалась нам прекрасной. Мы послали ее в Москву и ждали, что получится.

Как сейчас помню, прихожу в редакцию, у порога меня встречает Меньшиков. Руки в карманах, вид деланно хмурый, чуб на лбу растрепался.

– Ну, поздравляю, – говорит загробным голосом, – вот телеграмма из Москвы. Расхвостили в пух и в прах.

Беру телеграмму. Действительно, из Москвы. ТАСС передает обзор нашего альманаха, напечатанный в «Правде». Сердце захолонуло – достукались, осрамились на всю страну.

Но тревога была напрасной – в обзоре нас похвалили.

Успех окрылил. Взялись за подготовку второго альманаха. Меньшиков съездил в Москву и заказал там обложку. Правда, средств у нас было не лишек и обложка не блистала оформлением, но зато была яркая, с рисунком, изображающим северное сияние.

Вскоре про наш литературный кружок, про наши альманахи было напечатано несколько статей в журнале «Литературная учеба».

В кружке возникла мысль написать для ненцев рассказ на их родном языке. До той поры еще не было литературного произведения на ненецком языке, не существовало и

ненецкой грамматики. Надо было написать рассказ с простым сюжетом и слогом, близким к строю ненецкой речи, доступным для перевода. Нелегко было найти переводчика, способного взяться за это дело. И все же мы рискнули.

Я написал текст. За перевод взялись Иван Павлович Выучейский, ненец, бывший кочевник, учитель по образованию, заведовавший в ту пору окружным отделом народного образования, и Михаил Антонов, тоже учитель, хорошо владевший ненецким языком. При необходимости приглашали чуть ли не всех ненцев, живших в Нарьян-Маре.

Так мучительно долго шел перевод. Когда же Иван Павлович Выучейский написал последнее слово: *валкада* (все тут, конец), все вздохнули с облегчением.

Набор книги был тоже не из легких. Дело в том, что в то время для ненецкого языка был принят латинизированный алфавит. А читать по-ненецки никто из наборщиков не умел. Да и латинский алфавит знал только один наборщик – Павел Быков, который и взялся за набор. Литеру за литерой ставил он в верстку, слепо следуя оригиналу. Можно представить, как долго шел набор небольшой книжечки.

И вот она готова. Для обложки подобрали старое клише – фотоснимок чума. Набрали заголовок «Няръяна нумгы» – «Красная звезда». Книжка пошла в печать.

С первым же, полученным из печатной машины экземпляром мы все скопом поехали в тундру. На читку собрались колхозники оленеводческой артели «Едэй илебц» («Новая жизнь»), приехали и из соседних колхозов «Няръяна тёня» («Красная лиса») и ПНОК (первый ненецкий оленеводческий колхоз). Читал Выучейский. Слушали с исключительным вниманием. Лишь изредка раздавались возгласы:

– Те!

– Тида!

Значит, все хорошо, дело идет складно. Но только Выучейский успел произнести последнее слово: *валкада* (конец), один из ненцев привскочил, хлопнув ладонями по коленкам.

– Вот беда – беда! Какое смешное дело получается.

Мы были смущены. Ведь рассказ отнюдь не юмористический. Что же ему смешным показалось?

– В чем дело? Где смешное? – спросили почти все вместе.

– Да как же! Степан-то встал, потом опять встал и еще раз встал. А не сел...

Посмотрели: боже мой, ведь это правда! При переводах и переделках не заметили как получилась такая несуславица. Загоревали. Но нас успокоил хозяин чума Василий Канюков. Он сказал:

– Ничего, что не садится Степан, ничего. Зато он ненцам красную звезду привез, слово светлое сказал. Про мою жизнь, про ненцев книжка говорит. Эко дело было ли когда? Не было. Вот то и главное. А встал – не встал, велика забота...

Тридцать лет прошло с тех пор, как в далеком Заполярье возник литературный кружок и стал выходить альманах. И приятно знать, что кружок этот жив до сих пор, хотя многих из его первых участников нет в живых. Погиб во время Отечественной войны Иван Меньшиков, и имя его высечено на мраморе при входе в Центральный Дом литераторов в Москве, погиб Александр Кузнецов, скончалась Стеша Ардеева, нет Ивана Лагейского, Ивана Выучейского, память о ком увековеченаobeliskом на центральной площади Нарьян-Мара. Иные разъехались по другим краям. А в редакции «Няръяна вындер» по-прежнему занимаются заполярные литераторы, обсуждают стихи, рассказы, очерки, спорят, мечтают, работают. И хорошо работают! В альманахе «Заполярье», вышедшем три года тому назад, участвовало десятка два авторов. В большинстве это давнишние заполярные жители. Пять ненцев выступили со стихами и рассказами.

Далеко за пределами Заполярья знают молодого ненца Василия Ледкова. Его стихи печатаются в журналах, в газетах, выходят отдельными книжками. Хорошие, звонкие стихи пишет Алексей Пичков, живущий в Тиманской тундре. Ненцы знают своих молодых прозаиков Кима Вэркойда (Хатанзейского) и Александра Канюкова. Тянутся к перу Юз Хыльма, Ян Хыльма, Николай Тайбарей, Владимир Ледков. В оленеводческих стойбищах, на рыбацких участках, в новых тундровых поселках звучат на ненецком языке напевные стихи. Ненцы читают рассказы и очерки, написанные не заезжими авторами, а ненцами же. А русские литераторы, живущие в Заполярье, помогают ненецким авторам, работают вместе с ними дружно и плодотворно.



История рода Пырерки

Г. Суфтин

Где ныла тоска безысходно и люто,
Беда подбиралась звериной походкой,
Ходили извечно надежной валютой
Камланья шамана и царская водка.
Ты мне Расскажи, мой приятель скуластый,
Историю старого рода Пырерки...
О том, как звенели весенние насты,
Как в небе сполохи кутили и меркли.
Заветные песни хранят поколенья,
Идут по наследству и ярепс и хынос*)
На ягеле сочном жиреют олени,
Закинув рога голубые на спину.
И тонкий дымок над жилищем немудрым
Струится бесцветный такой и несмелый.
Кичится величьем нетронутым тундра
В суровости заледенелой.
И кажется—силы такой не отыщешь,
Чтоб смела принять поединок неравный
С слепыми обычаями чумовища,
Скрепленными тяжестью жизни бесправной.
История рода Пырерки забыта,
Стоянки кочевий завьюжены глухо.
Чернеют чумы да олени копыта
Щелкают по насту и мелко и сухо...
И ты не о том-ли, мой спутник тундровый,
Запел, опустив на колени ладони?
Но в песне твоей мне слышалось слово
Горячее, как огонь.
Оно прозвучало призывом и силой,
Оно прогремело ликующим горном.
И мне показалось—в бескрайности стылой
Горбатая тундра притихла покорно.
А юноша—самый последний потомок
Из рода Пырерки—старинного рода—
Поднялся, понятный, простой и знакомый
И дружески руку неловкую подал.
Я слушал, покуда луна не померкла
В оранжевых складках туманного веера,
Не твою ли историю, товарищ Пырерко,
Аспирант института народов Севера?

*) Ярепс—песня о себе, хынос—былина.

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ С ДОБРЮЛОВКОЙ

Встреча в чуме

Рассказ (фрагмент)

Ленный, морозный день сияет над тундрой. Оленьи копыта дробно и сухо шелкают по узорному насту. Крутом бело. Нет конца-краю этой сверкающей глади. Оленьи несуете дружно, навористо. А кажется — упряжки стоят на месте: так велики и необычны простор. Ни жилища, ни дерева. Только стаи полярных куропаток иногда лениво поднимаются из-под самых оленьих ног и сразу же садятся рядом. Едем час, два — невеста сколько часов, и все та же, чуть асфальтированная белая равнина, все то же красное негнущееся солнце с радужными косами по сторонам. [...]

Хорошо встретить на пути чум, а еще лучше — добраться до города, есть на стул и при свете электрической лампочки пить чай, читать, сыграть в шахматы... Но до города далеко, и, хотя Ясней — черноглазый и черноволосый юноша-проводник — неутомимо погоняет оленей, все же придется сегодня заночевать в тундре. Вот проехали назывистую Неруту, запутавшуюся среди зарослей кустарника. Вот перебрались за Карачейский хребет, на склонах которого уже сгустились синие сумерки. Вот оленьи упряжки несуете по оголенному льду озер. А вот поднимается на санях проводник, почужа запах дыма, и с гиком опускается длинный шест-хорей на оленьи спины.

Вскоре адала показывается маленький, будто загруженный чум, и мы летим к нему, словно птицы, делаем круг, выжывая бешеный лай собак. Из чума выглядывают люди, выполняют карапуз и теплый и легкой ненецкой одежде — малыши и меховых сапогах — тобоках, поджарых пестрыми плетяшками. Засуну палец в рот, малыш смотрит на приважи с любопытством и с достоинством хозяина топает ногой на разбушевавшуюся лайку. Собака покорно лезет под шарты. Приехали.

В чуме колхозника Майко после сытного ужина мы неторопливо вели душевный разговор. Дни в эту анжнюю пору коротки, а ночи длинные, и для разговоров времени более чем достаточно. Толковали мы и о хозяйственных делах, и о политике, и о всякой всячине. Неожиданно заговорила собака.

— Кто-то чужой приехал, — выглаживая наружу, сообщил Майко сын Миша.

— Кто бы такой? — Приезд постороннего человека в тундре всегда неждан и приятен. И он для обитателей чума — целое событие. Катерина, жена Майко, подмела куропаточным

крылом латы — дощатый настил по бокам чума, — поправила меховые постели и навесила над костром закатный медный чайник.

В чум, отряхивая с обуви и одежды снег, ввалился плотный широкоплечий ненец, а за ним женщина в нарядной, расшитой цветными сукуями паниде и в узорчатой шелковой шали.

— Ах здорово... — Здорово, здорово... — ответили все хором.

Прибывший разделся, не спеша, аккуратно сложил свою малицу и сел рядом с хозяином.

— Здравствуй, товарищ, — обратился он ко мне по-русски. — На Нарьян-Мари будешь?

— Да, на Нарьян-Мари... — Я тоже туда поехал с женой. На большую соборку. Праздник там собирают, и мне весте послали.

Оказывается, это ненецкий активист из Тиманской тундры — Ханько. Человеком он оказался очень веселым, общительным, и у нас сразу же завязался оживленный разговор, причем Ханько говорил иперемежку то по-русски — со мной, то по-ненецки — с хозяином чума, непрерывно пересылая речь шутками. [...]

Ханько рассказывал, как он раньше кочевал по тундре, стараясь не попадаться на глаза агитаторам и организаторам колхозов; как, бывав в одном из малоземельских колхозов, убедился в его преимуществах и стал сам сговаривать людей на объединение; как стал учиться — и прихватил, что, пожалуй, на Тимане теперь нет ненца грамотнее его. Тут же он, язык Миши букварь, показал свои способности.

— Вот и Нарьян-Мари приеду, так, может, к ученым людям схожу. Снаку, чтобы книг новых дали, старые все прочитал, да чтобы непонятные слова объяснили. Нашего писателя Антона Пырку хорошо бы увидеть, может, в Ленинград с собой взял бы... Что косишься, старуха? — подтолкнул он под бок молодую свою жену. — Когда о Ленинграде начинаю говорить, всегда сердится, думает — уеду туда и другую найдю на высоких киблучках... — прицелился Ханько языком, комически подмигивая.

У входа в чум, на круглом драгочном лукошке, сидела старуха Анна — мать Майко. Костлявыми желтыми пальцами она разрывала оленьи сухожилия на тонкие нити и ладонями скручивала их. Невидящие глаза старухи устремлены были на рыжую крышу чума.

Когда смех, вызванный шуткой Ханько, смолк, старуха проговорила скрипучим, низким голосом:

— В далекие города нещуп неичем едтить, ничего там хорошего нет...

— А ты как знаешь, бабушка? Ведь ты там не бывала...

— Бывала... Я бывала. В молодую пору я еддила далеко из Руск.

— Где же ты была, бабушка? В Мезени? В Пинеге?

— Дальше была... Это очень давно. Тогда мне, может, девятнадцать годов было, а теперь десятый десяток. Нас возили по большым городам, показывали, как диких людей. Нас было половина десятка человек. Оленьи с нами ходили. Много тому делу времени, не все запомнилось.

— А ты что помнишь, рассказывай, бабушка.

— Рассказывай. Слушайте. Мы были в большом саду, где разных зверей показывали. Или мы сырое мясо. Про нас приходившим смотреть говорили, что мы все едим сырое мясо и кипятку не знаем. Потому, мол, и к чью такие жадные. Все го мы так едали анму да лето. Нас только кормили, больше ничего не давали. Нам было тоскливо. Жили мы все время в своем чуме. Когда-то к нам приезжали на тройке важные люди. Я думаю — цари. На плечах у него золотое блестит. Чум наш посмотрели. Когда мышли из чума, стали отходить, царь вынул из кармана бумажную денгу и через плечо бросил ее назад, им. Видимо, подарил. Ни слова не сказал. Денгу упала на землю.

Старуха, напрягая память, адумалась. Пальцы ее по привычке перебирали нити из оленьих сухожилий. Неяркие глаза слезились. Костер потухал, и женщины пламена изредка освещали наможденное, морщинистое лицо.

— Ну, ладно, — приподнялся Майко на локтях, — слушать баско, да и спать надо. Снаржайся-ка, Миша, к оленям. Да книжку подай, отмечу трудовни. По правую сторону латы мжу больше, там стадо держи.

— Ты не спишь, товарищ? — Ханько вынул голоу из-под одежла. — Скажа эта мне в голову запала. Я подумал: вот ведь как мы жили раньше. Это она про дальние города рассказывала. А ты думаешь, у нас, в тундре, лучше было? Ничего не лучше было. Хочешь, я тебе рассказываю про своего отца, какой у него случай в жизни получился?

Он приподнялся на локтях и поведал смешную и грустную историю своего отца Хосия.

После удачной охоты Хосей привез купцу Павлову несколько возов дорогой полярной пушнины. Ласково встретил купец промышлен-



Писатель, редактор «Правды Севера»

Родился Георгий Иванович Суфтин 22 января 1906 года в крестьянской семье в деревне Антонинской Великоустюжского уезда Вологодской губернии. В 1917 году окончил Каравайковскую церковноприходскую школу, затем, в 1920 году, — школу 2-й ступени в Лальске. В 18 лет вступил в комсомол. После прохождения краткосрочных курсов работал книголюбом в Великом Устюге, ездил с кинопередвижкой по деревням, писал заметки в великоустюжскую молодежную газету «Ленинская смена».

В 1925 году Северо-Двинский губком комсомола назначил грамотного активиста на должность секретаря газеты «Ленинская смена». Через год его переводят в губревскую партийную газету «Советская мысль», где он проходит путь от репортера до ответственного секретаря. Затем в течение года работал в редакции вездной газеты «Верхотомский лесоруб». Пробует себя в литературе.

В конце 1932 года уезжает по направлению в Нарьян-Мари, назначен редактором газеты Ненецкого округа «Нарьян выдьер». Став одним из организаторов литературного объединения «Заполярье» при редакции газеты, выпускал одноименный альманах. Это были годы открытия нового для него мира заполярной тундры и ее жителей — ненцев.

В 1935 году Георгий Иванович переехал в Архангельск. Сначала работал секретарем краевого журнала «Звезда Севера», а после его закрытия перешел в областную газету «Правда Севера». Работал заведующим отделом культуры, литературным и ответственным секретарем, заместителем редактора, а затем с 1951 по 1956 год — редактором газеты.

Помимо журналистской работы Георгий Суфтин занимался литературным творчеством. В газете он публиковал свои фельетоны, басни, пародии под псевдонимами Юрий Лузак, Егор Беломор и Парфен Груздев. В 1946 году Суфтин стал членом Союза писателей.

Он автор очерков «Заполярье встреч», повестей «След голубого пса» и «Семейный секрет», романа «Макорин жонх». В 1956 году Георгий Суфтин избран ответственным секретарем областного отделения Союза советских писателей. Кроме того, в течение ряда лет он редактировал альманах «Литературный Север», оказывал большую помощь молодым авторам.

Сорок лет жизни Георгий Иванович Суфтин отдал журналистике и писательскому труду. Опыт журналиста привнес ему богатый запас жизненных наблюдений и впечатлений, профессия литератора позволила возводить их в ступень художественных обобщений. Скончался Георгий Иванович Суфтин в декабре 1965 года.

Содержание

Суфтин Георгий Иванович. Очерк жизни и творчества	4
Г. И. Суфтин. Библиография	25
<i>Книги</i>	25
<i>Публикации</i>	28
<i>Рецензии</i>	29
<i>Литература о жизни и творчестве Г. И. Суфтина</i>	29
<i>Рецензии на произведения Г. И. Суфтина</i>	31
<i>Некрологи</i>	31
Суфтин Г. Литературное заполярье: очерк	32
Суфтин Г. История рода Пырерки: стихотворение	36
Писатель, редактор «Правды Севера»	37
Суфтин Г. Встреча в чуме: рассказ (фрагмент)	37

Писатель и журналист

Библиодайджест

В оформлении обложки использовано фото с сайта
«ГБУК НАО "Ненецкая центральная библиотека имени А.И. Пичкова"»